

Охота на отставного капитана или мальчишка из-ниоткуда.

Моей любимой преподавательнице по русскому языку и литературе
Колясинской Наталье Михайловне ПОСВЯЩАЮ.

АВТОР: ЩЕПАНОВСКИЙ АЛЕКСАНДР.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вот уже стукнуло мне 50 лет. Рука давно уже тянулась к ручке. Эта история, о которой я хочу Вам рассказать, может случиться с каждым. И я надеюсь, что книга понравится большой аудитории читателей, и постараюсь рассказать Вам ее доходчиво.

Когда человек поднимается в гору, он должен быть вежлив со встречными, потому, что, когда он будет с нее спускаться, он снова с ними встретиться.

Кавказская поговорка.

Родина требует героев – п-зда рождает дураков.

Русская армейская поговорка.

Если что-то и стоит делать, так только то, что принято считать невозможным.

О. Уайльд

3 года спустя. Год 2011.

Стояла прекрасная солнечная погода. Около полудня я пил кофе на Манхеттене в одном кафе, куда я забежал на 10 минут. Попить кофе и думать. Думать о том, как лучше выполнить поставленное передо мной центром задание. Вдруг боковым зрением я заметил приближающегося ко мне мужчину. Подойдя к моему столу, он вежливо поздоровался на великолепном английском и просто спросил: «Не встречались ли мы ранее где-либо, так как мое лицо показалось ему знакомым?». Мне достаточно было только взглянуть на этого человека, одетого модно и по погоде, чтобы узнать его. Умные глаза сквозь очки с небольшими линзами смотрели на меня в упор. Я узнал бы своего друга детства и через 20-30 лет и больше. А тут прошло всего-то 12 лет после нашей последней встречи в нашем родном городе. Да, эта была случайность, которую так не любят спецслужбы всего мира. Но случайность, которая все- же иногда случается. Случай, к которому нельзя быть заранее готовым, но выход я нашел, как ни странно, быстро. Я выдержал этот внимательный взгляд, приподнялся и на хорошем английском ответил, что абсолютно уверен, что мы никогда и нигде не встречались. Я слегка улыбался и старался заметить хоть какие-либо изменения в лице моего друга детства. Но я ничего не заметил, и даже голос его не дрогнул, когда он, извинившись за беспокойство, вежливо поклонился и вышел из кафе, не оборачиваясь. Мои подозрения о том, что мой друг работает на спецслужбу нашей родины, для меня только подтвердились.

Через минуту после ухода моего друга я, расплатившись, вышел и растворился в людском потоке, в котором все спешили кто куда. А уже через час я улетел из Нью-Йорка, предварительно оставив в тайнике послание о причине моего срочного отъезда из этого города. Как я мог поставить под удар выполнение задания, к которому было подключено много людей и потрачено много времени?. Я точно знал, что мой друг доложит своему руководству о встрече со мной. И, хотя у меня были другие имя и фамилия, меня абсолютно не прельщало внимание к моей скромной персоне спецслужбы страны, хотя и являющейся для меня Родиной.

2. Немного воспоминаний. Год 2005.

Эти три военных значка лежали в серванте в небольшой фарфоровой чашке. Я случайно на них наткнулся, когда что-то искал. Выложив их на стол, я стал их разглядывать. Прошло уже более 15-и лет, как я снял их с кителя. Довольно большой срок - я считаю. Вот дорогой для меня значок о 29-и прыжках с парашютом. Я вспоминаю те годы, когда служил в разведбате. На значке немного потрескалась белая эмаль, но он все равно смотрится хорошо.

Следующий значок- об окончании мною военного училища. И вспоминаю эти нелегкие 4 года учебы. Сейчас даже помню все до мельчайших подробностей, поскольку память у меня хорошая. Вспоминаю друзей и товарищей- ведь эти годы из жизни не выкинешь.

И последним я беру в руки самый дорогой для меня значок - об окончании суворовского военного училища, где я учился более 30-и лет назад. Значок уже покрылся темным налетом, но, как и прежде, выглядит хорошо. Только маленький кружочек дедушки Суворова отвалился. Но я тот час же приклеил его на клей момент-это быстро и не трудно для меня.

Конечно- же, эти 2 года, проведенные в стенах суворовского училища, самые дорогие для меня. И я уверен, что все кадеты, читающие эту книгу, со мной согласятся и вспомнят эти нелегкие, но счастливые годы.

Эти три знака-10 лет жизни. Прошлой жизни. А сейчас я стою на рынке и продаю ремни. Кому надо - укорачиваю их, а иногда пробиваю дырки дыроколом. Мне не нравится этим заниматься, но приходится зарабатывать на хлеб так.

3. Мальчишка из - ниоткуда.

Я родился в начале 70-х годов в столице одной из южных республик некогда большого Советского союза . Отец ушел от моей матери рано, когда мне было 3 года. Меня растили мать и бабушка. Было тяжело, так как мать работала инженером-гидрологом с окладом 80-90 рублей. Этих денег с трудом хватало нам на жизнь. Мать подрабатывала черчением на кальке и я еще с детства научился держать в руках ресфейдер.

Учился я хорошо. Времени хватало и на изучение предметов и на личное времяпровождение, которое обычно я проводил на улице в компании моих сверстников. Так уж вышло, что пацанов в нашем дворе было больше, чем девочек. Мы много играли в прятки, ловитки, футбол, хоккей и другие игры. Меня в то время не смущало, что на брюках были латки на коленях, которые я про себя называл телевизорами - ведь мы жили бедно.

Многие ребята в то время научились курить, но меня к этому как-то не тянуло. И я так и не курю до сих пор. В 5-м классе я впервые влюбился, но эта любовь была безответная. Родители девочки были против и вскоре их семья переехала из нашего дома.

Вскоре я окончил 8-й класс и передо мной не стоял вопрос что делать, так как я давно решил поступать в суворовское училище. Ведь я был воспитан на таких фильмах, как «Неуловимые мстители», «Офицеры», «17 мгновений весны», «Адъютант его превосходительства», «Щит и меч» и других. Мне нравились разведчики, книги и фильмы про них.

Оценки у меня были хорошие и я уверенно себя чувствовал по всем предметам даже без репетитора. Были только небольшие проблемы с учительницей по русскому языку и литературе Дорой Исаевной, которая никак не хотела ставить мне четверку за год. Но ее все же уговорили, хотя она во всеуслышанье заявила, что я все равно не поступлю. А я все равно поступил назло ей и всем остальным, которые в меня не верили.

4. 3 года спустя. Год 2011(продолжение).

Летом 2008года в моей квартире раздался телефонный звонок. Дома я находился один и, естественно, поднял трубку. По телефону я рассчитывал услышать предложение по квартирантам от агентства недвижимости, однако мужчина, назвавшийся Игорем Петровичем и полковником от ФСБ, предложил подъехать к нему в управление на Большую Садовую для беседы. Поскольку я уже знал, что с рыцарями плаща и кинжала шутки плохи, то согласился на встречу.

Прибыв в назначенный час и получив на проходной пропуск, я поднялся в кабинет Игоря Петровича. Войдя в кабинет, я обнаружил кроме хозяина еще двух человек - мужчину и женщину. Следуя своей привычке, я с первых же секунд срисовал женщину с головы до ног, благо она стояла у окна лицом ко мне. Ей было под пятьдесят, однако ее фигуре могла бы позавидовать и 25-летняя. Она была блондинкой, коротко подстрижена и одета в пиджак и короткую юбку. На лице я увидел небольшие очки, что придавали ей вид эдакой учительницы старших классов. И перед тем, как присесть на предложенный мне стул я сделал вывод, что женщина мне внешне понравилась. Все трое были в гражданке. Игорь Петрович, мужчина в возрасте около 45 лет, высокий со спортивной фигурой и слегка сточенными ушами, какие бывают у борцов-профессионалов, сразу же начал разговор. Он представил мне Лидию Георгиевну и Альберта Ивановича только по именам и сказал, что ко мне есть разговор. Затем он вышел из кабинета, и вот мы сидим напротив друг друга.

Альберту Ивановичу было под 60 лет. Он был среднего роста, худощавый и очень подвижный. Его внимательные глаза просверливали насквозь. В этих глазах была властность и жестокость и я чувствовал, что он привык управлять людьми. И он начал беседу: «Александр Николаевич, у организации, которую я представляю, есть к Вам предложение о сотрудничестве» - вот так просто начал он.

«Извините, о какой организации идет речь и что за сотрудничество?» - быстро спросил я.

«Организацию я назову в общем - это военная разведка, более подробно Вам знать незачем. Так вот наши аналитики, изучив Вашу личность за довольно большой промежуток времени, пришли к выводу, что к Вам можно обратиться с предложением о совместной работе на благо нашей страны». От этих слов меня слегка перекосило и я гневно спросил:

«Не поздновато ли по моему возрасту Вы обратились с предложением о работе и, кроме того, ФСБ мне сделало немало гадостей, о чем Вы должны знать!».

Альберт Иванович нахмурился, но продолжил натиск:

«Да, Вы правы. Мои коллеги несколько несправедливо обошлись с Вами в 1993 году и в дальнейшем, но мы не хотели огласки Вашего дела, а Вы все не унимались. Но давайте не будем о прошлом, думайте о будущем - ведь у Вас семья, которой Вы очень дорожите. У Вас жена получает копейки и сын работает охранником за гроши».

Это была жестокая игра без правил и этот волкодав чувствовал себя в этой игре, как рыба в воде.

«Кроме того, - продолжал он, - мы Вам предлагаем 3 года учебы в Москве в нашей спецшколе, а затем интересную работу за границей. А это, извините, совсем другой уровень. Вы ведь любите бывать за границей?» - спросил он меня. Я лишь утвердительно кивнул.

«Александр Николаевич, - продолжал вербовать меня разведчик, - думайте над предложением здесь и сейчас, причем недолго. Если мы Вам мешаем, то можем выйти

минут на двадцать. Кроме того, Ваша семья не должна знать об этом предложении сейчас и о Вашей дальнейшей работе в случае согласия в дальнейшем. В Москве мы найдем работу для Вашей семьи, так что об этом не беспокойтесь».

Этими последними словами Альберт Иванович склонил чашу весов в свою сторону. Женщина сидела слева от меня и молча наблюдала за происходящим. Ответ Альберту Ивановичу я дал уже через минуту. Это было, конечно же «Да». Стать разведчиком я мечтал еще с детства. И это было чудо и неужели это происходило со мной.

Лишь после моего ответа Лидия Георгиевна спросила:

«А почему Вы согласились работать на разведку России?». Ну, об этом я ей мог рассказывать целый час, если начинать с моего детства. Однако как офицер, привыкший меньше говорить, а больше делать, ответил так:

«Во-первых, - ради семьи, Во-вторых, - я боевой офицер, в третьих, - желание сделать много полезного для России». Вот и все. Потом было прощание, а напоследок мне сказали, что позвонят.

Через 5 дней я уже ехал на поезде в Москву, где меня ожидала учеба. Вскоре ко мне приехала семья, и мы прожили все годы учебы в общежитии от спецшколы. Только через несколько лет я узнал, что Альберт Иванович был заместителем начальника одного из управлений СВР (службы внешней разведки), курировавшего Северную Америку, а Лидия Георгиевна в то время занимала должность заместителя начальника аналитического управления СВР.

Ну а сейчас через 10 часов полета после того, как я покинул Америку, мой самолет приземлился в аэропорту столицы одной из западноевропейских стран. Далее на поезде я добрался до небольшого городка, которого не найдешь на всех картах. Я ехал на встречу с резидентом российской разведки в этой стране, которого хорошо знал еще 15 лет назад. Хотя воспоминания были не из приятных. Я тогда был подопытным кроликом-дилетантом, а он удавом-профессионалом. Да, это было действительно так и это не описка. Владислав Петровский, а именно так его сейчас звали, владел многоуровневым гипнозом и мог внушать людям и тревогу, и страх, и многое другое. 15 лет назад он отработывал гипноз на мне, когда я об этом не подозревал и еще не работал в разведке.

Меня взяли в СВР после 15 лет испытаний и различных проверок, что называется «с улицы» в возрасте 47 лет. История знает очень мало таких случаев, когда в этом возрасте брали в разведку. Но мне, будем считать, повезло, хотя я считаю, что это вполне заслуженно, в чем Вы, мой дорогой читатель, в дальнейшем убедитесь.

Владислав Петровский уже более 5 лет проживал в этом городке, где был преуспевающим бизнесменом. Он владел крупной строительной фирмой, хотя у него не было строительного образования. Но, видимо, были хорошие учителя.

В этом худеньком небольшого роста очкарике было столько энергии, что ее с избытком хватало на всех и на все. Владислав в совершенстве владел английским, немецким и французским языками и уже осваивал итальянский. Глядя на него, никто и никогда не заподозрил бы в нем профессионального разведчика в звании полковника, имеющего за своими плечами немало успешно проведенных операций по всему миру.

Он обладал феноменальной памятью и всегда ставил задачи четко по-военному, внимательно изучая собеседника. Вот и сейчас он в течении 30 минут доводил до меня информацию на словах, а затем передал сувенир с микропленкой внутри, который мне предстояло доставить домой. Уже на следующий день я вылетел в Москву.

5. Кадетка (1976-1978гг).

В 1976 году от моей республики абитуриенты для поступления в суворовские училища направлялись в два города: Калинин (для изучающих английский язык) и Казань (для изучающих немецкий). До этой поездки я, как и многие другие ребята, не выезжал так далеко. Настроение у всех было приподнятое. У некоторых ребят были гитары и мы под них всю дорогу пели песни. А всего нас в вагоне было 33 кандидата на поступление в СВУ. Но тогда еще никто не знал, что 30 человек вернутся обратно.

Прибыв в небольшой городок на волге - Калинин, что в 6 часах езды от Москвы на электричке, нас поселили в одно помещение, где стояли металлические двухъярусные кровати. Предстояло сдать 4 экзамена: диктант по русскому языку, алгебру, геометрию и физику. Если абитуриент набирал 12 баллов и выше, то он поступал. После каждого экзамена нас выстраивали на плацу и выводили из строя всех, получивших двойки. Вы можете представить волнение 15 летних юношей - стоять и ждать, чтобы твою фамилию не назвали?

После успешно написанного диктанта и четверки по физике у меня были небольшие проблемы по математике. Меня через день вызвали к преподавателю по математике – небольшого роста капитану. Мы прошли в кабинет и он начал задавать мне задачи и уравнения по алгебре и геометрии. Так уж получилось, наверно это было от волнения, что я одну задачу решал, а следующую не решал. Затем меня отпустили и целые сутки я был в волнительном ожидании - поступил или не поступил.

Наш ротный, седовласый подполковник, как-то построил роту и спросил: «Кто может пользоваться ресфейдером?». Стояла гробовая тишина и только я один поднял руку. Позже я расчертил бирки и подписал фамилии. Может этот мой поступок склонил чашу весов в мою сторону в вопросе о поступлении в училище.

Затем были 2 года нелегкой учебы. Нелегкой потому, что кроме обычных предметов по школьной программе нам предстояло изучать и военные. И должен сказать, что преподаватели все были как на подбор – почетные и заслуженные учителя РСФСР. Времени на изучение предметов катастрофически не хватало. После первой четверти у многих были двойки за четверть по некоторым предметам, но меня бог миловал – все тройки и лишь одна пятерка по физкультуре. И это было понятно, так как я не курил и занимался легкой атлетикой до поступления в суворовское училище.

Все свободное время мы отдавали изучению предметов, но все равно не все успевали и поэтому приходилось вставать на час-два раньше команды «Подъем» и делать уроки. Нас поднимали дневальные, которые несли службу в казарме, ориентируясь по завязанным нами ножными полотенцами. Если полотенце завязано в голове кровати, то поднимали в 6 утра, а если завязано в ногах – то в 5 утра.

Должен сказать об отношениях в коллективе ребят. Рота состояла из 4-х взводов, в каждом из которых было до 30 человек. Ребята были из разных регионов и с разным воспитанием. Положа руку на сердце, я тоже не был подарком. Я рос без отца, много времени проводил на улице, был вспыльчив и очень переживал, если что-то было не по моему. Были, конечно, стычки с ребятами. Я был как маленький волчонок, но это не мешало мне хорошо учиться. И, видимо, это было главное во мне, так как меня не отчисляли. Должен заметить, что за 2 года учебы только из нашего взвода отчислили 7 человек: по здоровью, за самовольные отлучки, за плохую учебу, за курение и плохую дисциплину.

Каждую четверть всех, успешно сдавших экзамены, отпускали домой и мы все проявляли чудеса изобретательности, доставая билеты на самолеты и поезда в разные

направления. Билеты, особенно в южном направлении, были в дефиците, но, надо отдать должное кассирам, они всегда нас выручали, наверно, жалея этих маленьких худеньких ребят в военной форме с генеральскими лампасами на форменных брюках.

Однажды был случай. Сажу я в аэропорту в Москве после тяжелых экзаменов и бессонных ночей и жду своего рейса в компании моих товарищей. Вдруг девчонка напротив меня как закричит, показывая рукой в мою сторону. Оказалось, что у меня из носа пошла кровь. Я, достав носовой платок, спокойно прошел в туалет.

Конечно же, во время учебы у нас были и любимые преподаватели.

И причем мы не только относились с особой любовью к ним, но и учитывали их привычки. Например, учительница по русскому языку и литературе Колясинская Наталья Михайловна очень любила запах мужского одеколona «Русский лес». Поэтому перед началом ее урока дежурный по классу заранее приносил одеколон и разбрызгивал часть его в классе, наперед зная, что это будет очень приятно преподавательнице. Но это не давало нам никаких преимуществ – мы все равно готовились ко всем предметам добросовестно.

Преподавателя по математике мы называли «Тьером» в честь исторического героя. Он был небольшого роста – пожилым и немного мрачным человеком. Свой предмет он любил и эта любовь, видимо, перешла и к нам. Если у нас была 2-х часовая контрольная по математике, то особым шиком считалось сдать работу за 1 час и меньше. Затем мы выходили из класса и занимались кто чем хотел.

Своего ротного подполковника Кудрявцева А. М. мы называли «Заставой», так как он раньше служил на границе. И ходили слухи, что ночами он иногда спросонья кричал: «Застава, в ружье!».

Мне импонировал по своему характеру и отношению к суворовцам мой командир взвода майор Коваль А. Ю. Он был слегка полноват, но подвижен. В его голубых глазах в разговоре иногда проскакивала искорка юмора. И по отношению ко всем подчиненным он всегда относился честно и ровно.

А еще хочу сказать несколько слов об учительницах по химии Романовой Н. Д. и истории Петровой В. К. Романова Н. Д. во время войны партизанила в лесах Калининской области и одно это заставляло к ней относиться с уважением. Кроме того она обладала упорством в доведении до нас своего предмета и отличным знанием его. Когда она хотела добиться правильного ответа или была чем-то недовольна, то как-то по особенному сжимала губы и говорила отрывисто и четко. За это упорство я ей очень благодарен – ведь частица ее есть во мне.

В учительнице по истории Петровой В. К. мне нравилась фанатичная преданность предмету и также отличное его знание. И она всегда старалась довести до нас свой предмет доходчиво, чтобы всем было понятно. Она нас всех любила и даже старалась выручать по возможности. Как-то приехал к нам проверяющий из столицы и пришел к нам на урок истории. Мне достался билет о развитии промышленности и сельского хозяйства в 1933-35 годах. Я отвечал хорошо, пока не сказал о засухе в 1933 году и спаде производства техники в эти годы. И тут проверяющий задал простой вопрос, ответа на который в учебнике не было: «А почему это происходило?». И тут я запнулся. На помощь мне пришла Петрова В. К., которая сказала, что я человек городской и поэтому не могу ответить на этот вопрос. Но это меня не спасло и я получил обидный трояк – такова жизнь. Однако я подошел к проверяющему позже и попросил пересдать билет в виде исключения на следующий день во время урока физкультуры. На следующий день на физре, как мы ее называли, мы бежали на лыжах по Волге 5 километров. Погода стояла солнечная, лед немного таял и скользить было практически невозможно. Но ведь мне нужно было пересдать историю. И я «притопил». Обогнав весь взвод, буквально

прыгая на лыжах, я пришел-таки первым, опережая всех на 50 минут. И это, учитывая что до поступления в училище лыжи я видел разве что во сне. Спокойно переодевшись, я нашел проверяющего и пересдал предмет на «хорошо». Так я учился упорству еще в юношестве.

Так пролетели 2 года. Потом было прощание со знаменем училища у обелиска победы и вручение кадетских значков. Мы все стояли в курсантской форме цвета хаки, но с погонами разных цветов поскольку поступали в разные училища. Среди нас стояли и моряки с кортиками в черной морской форме. А потом на вокзале нас посадили на электричку до Москвы. Но перед отправлением я подошел к командиру роты подполковнику Кудрявцеву и просто сказал: «Спасибо Вам за Ваше терпение» и пожал руку. Затем я быстро повернулся и пошел к вагону, чтобы ротный не видел внезапно накотивших слез.

Суворовское училище я закончил на «хорошо» и «отлично» и, конечно, был доволен таким результатом. Позже был месяц отпуска и поступление без экзаменов в военное училище у меня на Родине.

Мне было 17 лет. Я был Овен по гороскопу и романтик по натуре. Передо мной была целая жизнь, но я не думал, что она будет так тяжела. Причем служба в армии была наиболее легкой ее частью, к которой меня готовили.

6. Учеба в военном училище(1978-1982 гг).

В августе 1978 года я вошел в стены общевоинского командного училища, которое находилось в столице одной из южных республик, где я родился. Через неделю всех поступивших, и суворовцев и гражданских, отправили в полевой лагерь, где мы жили в палатках. Кругом под камнями было полно скорпионов и фаланг. Мы, суворовцы, были к такой жизни привыкшие, так как после первого года учебы в СВУ 1,5 месяца жили в полевом лагере, где нас донимали комары. А вот гражданским было несладко. Многие не выдерживали и подавали рапорта об отчислении из училища, поскольку им не нравилась служба по распорядку дня и отнюдь не домашние условия.

С 1-го сентября началась учеба на 1-м курсе. Мне, как и многим кадетам, учиться было легко, так как мы могли правильно распределять свое время. И не случайно я учился только на «хорошо» и «отлично». Ведь я был дома, а дома, как говорится, и стены помогают.

Меня звали Александром, то есть Победителем. Все 4 года я стремился наиболее глубоко изучать предметы и получать только отличные оценки. На втором курсе мне предложили посещать стрелковую секцию. Но вначале была небольшая проверка. Начальник секции майор Павлов В. Г. дал мне мелкокалиберную винтовку с оптическим прицелом и 3 патрона. Затем показал мишень на расстоянии 100 метров. Мне нужно было выбить больше 20 очков. Последовала команда «Огонь!» и, когда я стал целиться в мишень, Павлов стал меня торопить и рукой двигать ствол моей винтовки в разные стороны. Тем не менее мне удалось сделать 3 выстрела и выбить 22 очка. Так я был принят в секцию для выполнения упражнения «бегущий кабан». Но пробыл я в секции несколько месяцев и ушел по собственному желанию потому, что нахождение в секции мешало моей учебе, а это для меня было главным.

Я не пил, не курил, занимался троеборьем. Уверенно шел на красный диплом. По выходным ходил в увольнения и встречался с родными. На 3-м и 4-м курсах бегал в самовольные отлучки, но никогда не опаздывал на построения, так как училище располагалось недалеко от моего дома.

Каждые полгода мы сдавали экзамены и зачеты, а некоторые оценки выставлялись в диплом. Так, однажды, на 3-м курсе я сдавал экзамен по Начертательной геометрии. Предмет я знал отлично и поэтому, находясь дома, решил приехать к концу экзамена, что я и сделал. Отлично ответив на билет, я неожиданно встретил решительное сопротивление преподавателя, которая отказалась поставить мне оценку «отлично», мотивируя тем, что она поставила уже 12 отличных оценок. Короче, я с ней сильно поругался и, уходя, обозвал дурой. Сильно не переживал потому, что в дипломе разрешалось иметь 6 четверок при условии сдачи госэкзаменов на «отлично».

Учился я во взводе ДШБ (десантно-штурмовая бригада) и каждые полгода мы ездили на стажировку в одну из таких бригад. В дальнейшем эти стажировки пригодились мне в службе в армии.

Помимо обычной учебы в училище нас еще обучали приемам с карабинами, как солдат роты почетного караула для встречи *vip* персон. В частности мы выезжали в 1980 году в Тбилиси для встречи тогдашнего министра обороны Дмитрия Устинова, которая состоялась в прекрасном парке Победы.

Все предметы мне давались легко. Своих преподавателей и офицеров-воспитателей я уважал, да и они меня не обижали. Однажды, при сдаче экзамена по эксплуатации машин помимо 2-х теоретических вопросов мне достался практический вопрос: «Снятие и установка колеса бронетранспортера». Военные люди наверняка представляют это, хотя вряд ли меняли само колесо. Короче я домкратом слегка приподнял колесо бронетранспортера, а затем открутил 12 гаек колеса. После мы с товарищем сняли и тут

же поставили колесо на место. Затем я закрутил гайки на место и снял БТР с домкрата. Не помню сейчас время норматива, но я был весь «в мыле» и еле уложился на «тройку». Но преподаватель поставил «отлично» - наверно за старание.

Вскоре наступило время государственных экзаменов. Сдавать нужно было 4 экзамена: научный коммунизм, тактику, эксплуатацию техники и огневую подготовку. Должен сказать, что ровно половина моего взвода шли на «красный диплом». Но сдали на «отлично» только 4 человека и я в том числе.

Хочу вспомнить, как я сдавал научный коммунизм и огневую подготовку. По научному коммунизму мне достался вопрос об отношениях людей при Коммунизме, о чем в учебнике было очень мало материала. Короче говоря, я подготовился, затем пошел отвечать и весь билет я изложил за 5 минут. Но, глядя на мило беседовавших между собой проверяющего из Москвы и моего преподавателя, я решил проверить их внимательность и повторил весь билет слово в слово от начала до конца, так как мне нужна была только отличная оценка. Никто ничего не заметил и я ушел довольный с оценкой отлично.

Что касается сдачи нашим взводом огневой подготовки, то на практику нам досталась стрельба из боевой машины пехоты двумя снарядами. Оружие было выверено на «отлично», но был один нюанс: из орудия БМП очень сложно стрелять в ветреную погоду, так как снаряд летит на ветер. Зная это, мы начали стрельбу с 7 утра, поскольку ветер на полигоне начинался после 9-00. В результате все отстреляли на «хорошо» и «отлично».

Затем был выпуск и вручение дипломов. Должен сказать, что многие заранее знали, кто куда попадет служить – ведь мы учились на Кавказе. Вскоре после выпуска у меня была свадьба, но, как оказалось позже, это был мой необдуманный шаг. Наши мамы вместе работали и решили меня с Инной познакомить. Встречались мы полгода и толком друг друга не знали. И поэтому наш брак был недолговечен.

7. Служба в Монголии (1982-1987).

Меня направили служить в Монгольскую Народную республику, которую все, кто там служил и работал, называли страной чудес и консервных банок. Монголия входила в состав Забайкальского военного округа. Эта была граница, но не простая, ничем не сравнимая, например, с Германской Демократической Республикой. В этой стране с резкоконтинентальным климатом многие семьи проверялись на прочность. Трудностей было много. Например, сходить можно было только в Дом офицеров на фильм. Изредка приезжали артисты. В военном городке были только дома, да магазины, в которых было валом тряпья по талонам, да море консервов, которых в Союзе в то время было не достать. Зимой температура доходила до -35, а летом до + 35-40 градусов.

Нас, молодых лейтенантов, выпускников моего училища было человек 35-40. Мы прибыли в штаб дивизии, где нас построили в две шеренги. Напротив нас стояли командиры частей, которые знали, сколько офицеров требуется в ту или иную часть. Нас выбирали исключительно по внешнему виду. Никто из начальников не поинтересовался, есть ли офицеры, закончившие училище с отличием. Видимо они сами не блистали оценками в военных училищах.

Меня и троих моих товарищей выбрал командир разведывательного батальона подполковник Хлыстенко А. Д. Затем, уже прибыв в батальон, комбат после разговора со мной определил меня в разведывательно - десантную роту, чем я ему был очень благодарен. В этой роте я и отслужил все пять лет, чем очень горжусь.

Опять же в Монголии я расстался со своей супругой Инной и она уехала домой к матери. А затем в апреле 1986 года, находясь в отпуске, мы официально расторгли брак в суде. К этому времени я уже около полугода встречался с Ириной, работающей бухгалтером в Военторге. С ней я познакомился случайно. Однажды вечером я забежал к ее подруге Надежде в соседний подъезд уже не помню и зачем. Там был девичник и я вроде бы был там лишний, природное чувство юмора, как всегда, помогло мне. Я без умолку рассказывал анекдоты и вскоре почувствовал, что я не лишний в этой компании. Должен сказать, что, общаясь с девочками, мне сразу же приглянулась Ирина, работающая в Военторге. В этот же вечер мы с ней бегали за самогоном, так как в те годы спиртное в заводских бутылках было не достать. Позже мы с ней несколько раз танцевали и я узнал, что она не замужем. Уже под утро мы, естественно, ушли вместе ко мне в соседний подъезд этого же дома, где я проживал в отдельной квартире.

Через неделю я уже жил у Ирины. Так мы прожили почти год и в апреле 1987 года зарегистрировали свой брак в Генеральном консульстве СССР в г. Чойбалсане. Ну а сама свадьба была замечательная. И после нее несколько наших знакомых парней и девчат сочетались браком там же. Эта была встреча, где были мои друзья - офицеры и вольнонаемные подруги моей Ирины. И это была свадьба без наших родителей и родственников. Словом необыкновенная свадьба.

Командир дивизии ради такого случая выделил нам свою «Волгу», а комбат - УАЗ-469. На этих машинах мы ездили по Чойбалсану и фотографировались у понравившихся нам объектов. А саму свадьбу мы отмечали в кафе, где на столах стояли самовары, бутылки с лимонадом, чайные наборы и торты. Это была хохма, но так было на самом деле, поскольку все ждали приезда командира батальона и начальника военторга для поздравлений.

Первым приехал комбат, посмотрел на столы, поздравил нас и вручил подарок, сказав при этом, чтобы все было в порядке. Затем приехал с поздравлениями начальник Ирины. Но с ним было попроще, так как Ирина его хорошо знала. Она провела его в отдельную комнату, где в шкафах стояли десятилитровые бутылки с самогоном. Я налил три стопки шестидесятиградусного первача. Мы стукнулись и выпили. Иркин начальник аж

хрякнул от удовольствия, быстро закусывая маринованным огурчиком. Ну, а потом начались поздравления, танцы и грандиозная пьянка, продолжавшаяся до часу ночи. Все были рады возможности расслабиться без какого-либо контроля. Тамадой выступал мой друг Игорек и, должен сказать, что он болтал по делу без умолку. А в июле 1987 года мы уехали из Чойбалсана, так как меня направили для дальнейшего прохождения службы в штаб Закавказского военного округа в Тбилиси.

По пути туда мы с женой заехали родной городок Ирины, где нас с цветами встречали на вокзале ее родители. Там же у вагона я впервые назвал их «мамой» и «папой». А на следующий день состоялась уже вторая свадьба с родными Ирины, которых оказалось очень много.

Вскоре мы с женой были направлены в Нахичеванскую АССР, где прослужили три года до моего увольнения по собственному желанию из рядов Вооруженных Сил.

8. Немного воспоминаний. Год 2008.

Мы с женой Ириной лихо отплясывали на свадьбе у наших родственников и нам там очень нравилось. Вдруг ведущий, мужчина моих лет, объявил песню «Офицеры», которую так блистательно исполняет Газманов. В зале было много офицеров милиции – друзей жениха. Все пошло танцевать и я пригласил свою милую женушку на медленный танец, невольно слушая эти берущие за душу слова.

Да, я офицер. Хотя я сам в 1990 году написал рапорт на увольнение из рядов Вооруженных Сил по собственному желанию, будучи тридцатилетним капитаном. Я не хотел «отбывать номер», то есть служить до пенсии на любой должности. У меня, что называется, не пошла служба и я решил честно уйти на гражданку с хорошей характеристикой.

Затем были 3 года службы в милиции, где меня успешно подставили и даже хотели посадить в тюрьму, но у моих недоброжелателей ничего не вышло, но об этом позднее.

Говорят, что один в поле не воин, но я уверен, что многое зависит от характера человека, от его силы воли. Но, конечно, не все всегда получается легко и быстро.

В детстве я много раз смотрел фильм. «Адъютант его превосходительства». Люди моего возраста, конечно же, помнят этот фильм, где так блистательно и умно сыграл Юрий Соломин в роли разведчика «красных». Так вот, в одной из серий в результате умело проведенной чекистами операции, был подставлен один из офицеров «белых». Его пытали, серьезно пытали, так как у них была полная уверенность, что он «красный» разведчик. У него не было доводов в свою защиту и он, будучи в полном изнеможении, сказал начальнику контрразведки такие слова: «Мне жаль Вас, полковник. Вы уничтожаете преданных офицеров. С кем же Вы останетесь?» Начальник контрразведки был в полнейшем недоумении.

Проводя аналогию, скажу, что в 1993 году я проводил свою операцию против отдельных сотрудников милиции, но, спасая честь мундира, они меня подставили. Никому не могло прийти в голову, что правда может быть другая. Что я, простой отставной офицер без юридического образования, без оперативной подготовки мог перехитрить бывалых оперативников. Правду об этой «моей» операции я рассказал этому грузному уже полковнику с отеком лица, который еще в звании майора затеял операцию против меня. И я пошел против «системы», и она меня смяла, хотя было бы достаточно одного простого разговора со мной и все бы стало на свои места.

9. «Подстава» (1990-1993 гг).

Летом 1990 года, когда еще был Советский Союз, мы с женой и двухлетним сынишкой приехали на Родину Ирины в один из небольших городов России. После небольшого отдыха я решил поступить на работу в милицию, но не в нашем городке, а в областном центре.

Меня взяли в отдел кадров старшим инспектором по работе с личным составом одного из горотделов милиции. Работа была несложной и интересной. Вообще общение с людьми очень интересное занятие. Узнаешь их радости и печали и всегда стараешься помочь. Но, как и везде, были интриги и подковерная борьба. Где-то через полтора года была штатная реорганизация. Меня вызвал к себе начальник отдела кадров города и сказал, что в новом штатном расписании для меня нет места, и намекнул, чтобы я искал работу в другой службе.

Я перешел на службу в один из отделов в городском управлении, но работа была не интересной и через полгода перевелся в городской отдел небольшого городка, где мы проживали с женой, на должность участкового инспектора милиции. А вот с этого места поподробнее.

Дело в том, что я максималист по натуре - либо все, либо ничего. Я упрям и всегда говорю правду в глаза даже своим начальникам и, видимо, это не всегда им нравится. За всю свою жизнь я ни разу никого не «сдал», никого не оговорил, не «подсизживал» и этим горжусь.

Попав в хороший коллектив участковых инспекторов милиции, я быстро освоился и неплохо выполнял свою работу. Часто приходилось обращаться за помощью к товарищам, поскольку у меня не было юридического образования. Приходилось работать с алкоголиками и наркоманами, с алиментщиками и просто лоботрясами. Ничто не предвещало беды. Отношения в семье были нормальными, хотя мы жили у тещи. Сыну Владиславу было 5 лет и он ходил в детский сад.

Однажды в воскресенье я дежурил на рынке. Поступила информация, что там кто-то торгует черной икрой в металлических банках, что было запрещено. От ОБЭП дежурил стажер Олег Павлищев и мы с ним задержали женщину и мужчину, торговавших икрой. Олег сказал мне составить протокол, а затем забрал и протокол и банки с икрой в отдел милиции. Я прекрасно знал, что эти банки не будут уничтожены и достанутся начальству. А протокол мой Олег должен был зарегистрировать, но он этого не сделал.

Кроме дежурств было много работы по самогонщикам и наркоманам, проживающих на моем участке. И, конечно же, мне хотелось обладать полной информацией по данной категории граждан, для чего мне приходилось общаться с ними подобными для получения различных сведений. На моем участке проживала Лина Гордеева – наркоманка со стажем и очень активная девочка. Полагая, что она должна обладать интересующими меня сведениями, я начал морально давить на нее, а однажды поставил на учет к наркологу ее подругу. Я часто появлялся в доме у Гордеевой, но она все не давала нужных мне сведений. А однажды предложила мне деньги, чтобы я отстал от нее. Я про себя удивился, но не подал виду. Ведь я - неплохой психолог. Дело в том, что у наркоманов не может быть свободных денег, так как они все тратят на наркотики. Я назначил Лине время и место встречи, когда она должна будет передать мне список самогонщиков и наркоманов. Это было 25 октября 1993 года в 19-00.

Интуиция подсказывала мне, что что-то не так. Когда я подъехал к отделу после обеда, мне сказали, что меня ищет дежурный по отделу, который направил меня к исполняющему обязанности начальника отдела майору милиции Фоменко Л. Д. Его я

нашел на улице в компании с подполковником милиции Барычевой В. С., тогда исполняющей обязанности заместителя начальника отдела по работе с личным составом. Подойдя к ним, я спросил о причине моего вызова. Фоменко приказал мне сдать вечером один материал, на что я ответил, что сдам в 19-00. Но Барычева, сделав шаг по направлению ко мне и глядя в упор в мои глаза своим холодным взглядом, ответила: «Нет, в 18-00». Это было 25 октября, когда у меня была встреча с наркоманкой Гордеевой. Это было время «ч», как бы сказали военные, то есть время начала наступления. Для тех, кто не понял, я скажу, что произошел очень серьезный разговор. И я объясню Вам, мой дорогой читатель, позже.

Моя жизнь в настоящее время разделена на 3 части: 1- до 19-00 25 октября 1993 года; 2- с 19-00 25 октября 1993 года до июля 2008 года; 3- с июля 2008 года и, думаю, до конца жизни.

Тем временем, когда я отошел от Фоменко и Барычевой, между ними произошел любопытный разговор. Барычева: «Александр Алексеевич, с этой темной лошадкой надо что-то делать - либо повышать по службе, либо сажать в тюрьму. Он вроде не глупый и его можно использовать в серьезных делах».

Фоменко: «Вот это «вроде» сегодня и проверим. Если умный, то пусть работает, а если нет, то пусть сидит в тюрьме. Уж слишком он независимый и от него не знаешь, что ожидать в ту или иную секунду».

Далее я через 2 часа закончил материал и в 18-00 подписал его у Фоменко. Ну, а потом к 19-00 я поехал на встречу с Гордеевой, чтобы получить интересующий меня список. Тем временем в 17-00 этого дня Гордеева написала заявление на имя начальника отделения ФСБ о том, что участковый инспектор милиции Федоров А. Н., то есть я, требует деньги в сумме 70 тысяч рублей у нее за то, что не будет ее преследовать в дальнейшем. И так далее и тому подобное и ничуть не меньше. Лина Гордеева была ценным агентом ФСБ и получала за это деньги. И, что интересно, для того, чтобы ее не раскрывать, нужно было подставить участкового инспектора милиции в звании капитана, имеющего семью, и, абсолютно точно, не сделавшего за год работы в отделе милиции никому ничего плохого.

По каналу НТК шел фильм «Знахарь», где главного героя подставили жена, ее брат, адвокат и крупный предприниматель. Его осудили на 15 лет и он, бежав из тюрьмы, отомстил всем за все. Скажу сразу, что посадить в тюрьму меня у них не получилось и, я считаю, им очень крупно повезло. Меня, воспитанному на Кавказе, не учили прощать обиды и я бы просто уничтожил бы всех, замешанных в этой подставе физически.

Как-то в армии после стрельб мы, офицеры и прапорщики разведывательно-десантной роты, на спор поставили бутылку из-под лимонада на 100 метров и стреляли в нее одиночными из автомата по очереди. Я выиграл спор, правда, со второго выстрела. Там же в Монголии я напрыгал 29 прыжков из самолетов и вертолетов военно-транспортной авиации. И раньше и сейчас после многолетнего гипноза и кодировки я ничего не боюсь. Меня не переделали и не испугали. Однако продолжу о встрече с Линой. Приехав на место встречи с Гордеевой, я увидел желтую «пятерку» с блатным номером 222, стоящую в 15 метрах от моей машины. Гордеева запрыгнула на заднее сидение моей машины и сразу начала с места в карьер, предварительно включив диктофон: «Вот я принесла Вам деньги 70 тысяч». И протягивает мне эти деньги. Однако я их брать не собирался. Резко схватив руку Гордеевой с деньгами я засунул их в карман ее же халата. И только после этого спросил: «Лина, где список самогонщиков и наркоманов, который я просил принести мне?». Гордеева ответила, что не написала и не стала объяснять почему. Я выгнал ее из машины, затем отъехал от места встречи, кое-что увидев в зеркале заднего вида, и ухмыльнулся. Пятиэтажное здание, к которому я подъехал, находилось в 300 метрах от места моей неудачной встречи. Там на первом этаже проживала одна

заявительница и мне нужно было встретиться с ней по одному материалу. Выйдя из машины, я стал подходить к нужному мне подъезду, когда меня окликнули двое молодых людей, которые вышли из подъехавшей темной «шестерки». А с момента встречи с Гордеевой прошлооколо 2-х минут. Ребята, подходя ко мне, спрашивали на ходу, где находится такая-то улица. Я пошел с ними на сближение и они, представившись сотрудниками 6-го отдела милиции и забрав мой газовый пистолет, надели на меня наручники. А один из сотрудников моего отдела отогнал мою машину к отделу милиции. Ребята посадили меня в свою машину и всю дорогу до отдела они внимательно смотрели, чтобы я не выбросил деньги им в машину, а я про себя улыбался. Меня привезли в отдел, где в одном из кабинетов меня ждали майор милиции Фоменко А. А. начальник отделения ФСБ города Дралкин Е. М. и следователь прокуратуры Чудаков И. Е. , мой землячок. Я спокойно смотрел на них и на то ,как они обыскивали без понятия мой китель, брюки и дипломат и, естественно, ничего не нашли. В их глазах была «непонятка». Затем меня вывели в наручниках к моей машине и после недолгого обыска на заднем сидение моей машины нашли какие-то деньги. Далее меня посадили в камеру, которая представляла собой помещение 3 на 4 метра. В одном углу был умывальник, а в другом туалет- кастрюля с крышкой литров на 40. Большую часть камеры занимали нары. Где-то через час меня навелили все те же Фоменко и Барычева. Когда они вошли в камеру, я спросил: «Зачем, Александр Алексеевич?». Но они, не ответив на мой вопрос, молча вышли. А затем мои родные нашли мне адвоката Махно Ю. И., в то время занимавшего должность председателя адвокатской конторы. Мы думали, что он человек опытный, будет добросовестно отстаивать мои права, а он , также как и все, сдал меня. Следователю Чудакову нужно было через 3 суток меня выпускать, но я этого не знал. Арест и камера не повлияли на меня и не помешали мне думать. Через двое суток меня вызвали на допрос к Чудакову. Он сказал, что не выпустит меня, если я не признаюсь. Разговор был без адвоката, а мне нужно было во чтобы то ни стало выйти из камеры, чтобы действовать. Поэтому я под его диктовку написал, что он хотел, а на следующие сутки меня выпустили под подписку о невыезде. Тем временем Фоменко вызвал к себе начальников отделений уголовного розыска и ОБЭП и сказал: « Мне нужен компромат на Федорова и побыстрее». Получение взятки, то есть статья 173, не получалась, а нужно было спасти честь мундира, поскольку маховик закрутился.

Откуда было знать Фоменко и всем остальным, что я обладаю аналитическим складом ума и в сложной и опасной для меня обстановке могу анализировать поведение и разговоры людей. Также могу вспомнить содержание любого разговора даже через много лет.

10. Торговля фруктами и промышленными товарами.

В августе 1990 года после моего увольнения из рядов Вооруженных Сил мы с Ириной приехали жить в один из небольших городов Северного Кавказа - Родины моей жены. Обосновались мы у родителей Ирины, так как своей квартиры у нас не было. Первое время мы ездили за фруктами в сад, где собирали определенную норму. А затем заработанные фрукты отвозили на рынок и реализовывали их. Так продолжалось долго. Даже после моего поступления на работу в органы внутренних дел, правда теперь в сад ездила жена.

Торговать промышленными товарами мы с моей женой Ириной начали рано, еще в 1990 году. Купив с рук бланк приглашения в Югославию, мы с Ириной получили загранпаспорта и после моего увольнения поехали в первый раз на поезде в Венгрию. В то время в эту страну граждане СССР в основном везли различный электроинструмент, который был там в цене, так как в венгерских магазинах он стоил в 2 раза дороже. Само приобретение электроинструмента не было большой проблемой. Поэтому в поездку в Венгрию мы поехали очень даже подготовленными.

В 1990 году в Венгрии еще были наши войска, поэтому в поездах было полно офицеров, которых таможня практически не проверяла. Этим я и воспользовался. Так как было разрешено провозить по одной единице электроинструмента на человека, то весь лишний инструмент я роздал по всем вагонам, в которых ехали офицеры. После прохождения таможни я собрал инструмент по всему поезду, а ребятам поставил магарыч.

Прибыв в Будапешт, мы быстро нашли нужный нам рынок. До вечера продали весь товар и приобрели различную радиоаппаратуру, которой в то время в России было не достать. Затем, прибыв домой, мы ее реализовывали. На это и проживали. Позже мы с Ириной и другие наши родственники неоднократно были в Венгрии, каждый раз привозя новые бланки приглашений туда.

Однажды был случай в Будапеште. Я уже возвращался с рынка на вокзал на автобусе. Денег в кармане у меня оставалось 100 форинтов (это чуть больше 1 доллара) и поэтому билет я не взял. В сумках была радиоаппаратура, а в кармане было удостоверение сотрудника милиции, так как я уже служил в органах и был в отпуске. Короче, когда закрылись двери автобуса, двое молодых парней быстро прикрепили себе на грудь какие-то таблички и стали проверять у всех билеты. Меня, естественно, «повязали». Подъехав к железнодорожному вокзалу, проверяющие отвели меня в отделение полиции. Мы зашли в небольшое помещение, где навстречу нам вышел молодой полицейский. Контролеры быстро ему объяснили суть вопроса. Я не стал ждать его реакции и показал ему удостоверение сотрудника милиции, сказав при этом по-английски:

«Рашен полис». Отношение у полицейского ко мне стало доброжелательным и он спросил у меня также на английском языке, есть ли у меня форинты. Я не стал ничего объяснять, открыл небольшую поясную сумку, извлек оттуда последние 100 форинтов и показал их офицеру. Он назвал меня коллегой и сказал контролерам, чтобы они отстали от меня. А вечером я уже на поезде ехал домой. Очередное приключение, да и только.

Я вообще и раньше любил и сейчас люблю различные путешествия. Так, я летал во Львов и Ровно за модными в то время джинсами и джинсовыми юбками, приобретая эти вещи у поляков. В 1991 году мы с моим родственником Олегом летали во Владивосток, откуда привозили только что появившиеся пуховики. Весь товар жена продавала на рынке и это было неплохим дополнением к моей зарплате. Позже, уже после увольнения из органов в 1994 году, я несколько раз ездил на автобусе в Румынию, отвозя туда

электроинструмент, сигареты и другие товары. Но эти поездки мне не нравились, да и страна тоже. Также я несколько раз летал за товаром в Турцию. Там мне было интересно, так как жизнь в этой стране очень походила на жизнь в стране, откуда я родом. Да и наши языки были похожи.

В 1998 году за месяц до дефолта мы всей семьей отправились в турецкую Анталью на отдых, где чудно провели неделю в пятизвездочном отеле «Алтыз гольф». Это был июль месяц и там днем было очень жарко. Нашему сыну Владу было 10 лет и нам с женой было очень забавно наблюдать за ним, когда он учился плавать и нырять в бассейне. В море мы практически не купались, так как там было полно медуз, и оно было грязным даже в безветренную погоду. Один раз съездили в аквапарк и мне очень понравилось, что мой сын не боялся преодолевать самые длинные горки и темные лабиринты.

Это был июль 1998 года, а до 31 декабря оставалось 5 месяцев и ничего еще не предвещало беды. Мы с женой продолжали торговать на разных рынках. С товаром мы уже определились давно - это были ремни и перчатки. Получалось у нас неплохо. В 2000 году мы купили двухкомнатную квартиру по соседству с нашей. А еще в 1995 году мне, как офицеру запаса, выдали от военкомата отдельную двухкомнатную квартиру на третьем этаже 10-ти этажного панельного дома. Но об этом я расскажу позже.

11. Подстава (продолжение).

Еще находясь в камере, я строил различные варианты выхода из этой ситуации, которые я писал на туалетной бумаге. Затем я хотел их передать через адвоката на «волю», но этого не сделал. Я утопил свои записи в кастрюле, которая служила туалетом и, как показали дальнейшие события, правильно сделал.

Если говорить о товарищах по работе, то в основном всем было «до лампочки» - лишь бы их не трогали. Однако были и исключения. Как-то, по-моему в первую ночь, ко мне спустился дежурный по отделу милиции Саша Петров с металлической кружкой, в которую налил прилично водки. Как бы старался поддержать меня. Я ее выпил, как воду, и вовсе не захмелел.

А моя милая женушка старалась на славу. Для всех не является большим секретом, что пища для арестованных оставляла желать лучшего. И она через дежурного по отделу передала мне целую запеченную индейку, которую я все трое суток ел.

Вскоре меня после моего мнимого признания выпустили на свободу и я начал искать различные пути выхода на прокуратуру через своих знакомых. Так, меня вывели на девушку Катерину с длинной такой русской косой. Выслушав мои приключения, она сказала, что эту проблему может решить только Попков Игорь Генадьевич – начальник санитарной авиации области и, как я понял, по совместительству мафиози. Мы с Катериной два раза были у Попкова, в результате чего он дал мне адрес и телефон прокурора Григорьянца Арама Ашотовича, в то время работавшего в областной прокуратуре и контролирующего работу прокуратуры городка, где я служил в милиции. Вскоре я поехал на встречу с ним, но, зайдя в кабинет и представившись, я допустил серьезную ошибку – не обратил внимания на присутствующего там человека. Это был прокурор моего городка. Позднее, после его ухода Григорьянец сказал мне с укором, что мол прокурора своего города надо знать в лицо, на что я ответил, что ни разу с ним нигде не встречался и поэтому не знал. Также он спросил, почему я раньше не сказал, что знаю Попкова, на что я только пожал плечами. Так был налажен контакт с прокуратурой и через Катерину мне довели, что я должен заплатить определенную сумму. И хотя эта сумма была приличной, я пошел на это ради своей семьи, так как не был уверен, что прокуратура закроет мое дело самостоятельно. Однако меня ожидали два сюрприза: первый- от моих «помощников», а второй - от моих преследователей. Причем оба сюрприза выбивали почву из под моих ног. Так, приехала Катерина к нам домой и сказала, что нужно еще 2 миллиона рублей к тем деньгам, которые я уже ей передал, для быстрого закрытия дела. Но у меня не было таких денег и я ответил решительным отказом. Дальнейшие действия были молниеносными. На следующий день мне возвратили деньги. А через двое суток меня вызвал следователь прокуратуры Чудаков и в присутствии моего адвоката предъявил тот самый протокол об изъятии черной икры, который забрал в отдел Павлищев Олег. Причем Чудаков сказал, что этот протокол нашли среди моих документов в моем дипломате и я его якобы не зарегистрировал. Эта была наглость, но эта наглость прошла, так как я не имел юридического образования, а мой адвокат промолчал. Причем Чудаков пояснил, что документы из моего дипломата трое суток пролежали на столе у Барычевой В.С., а затем в ходе служебной проверки среди моих документов был обнаружен этот акт. Сразу скажу, что документы во время ареста у меня в присутствии понятых не изымались. Далее Чудаков наложил арест на мой легковой автомобиль и сказал мне переписать все мое имущество, находящееся в доме у родителей моей жены. И ничуть не меньше. Еще тогда я подумал, что Чудакову надо бы в его фамилии заменить первую букву на «М».

Так продолжалось до 3 января 1994 года, когда меня по решению председателя городского суда Васнецова приехали домой арестовывать. Сутки держали в отделе милиции, а затем отвезли в СИЗО, где я провел две недели до суда. Но об этом я напишу поподробней.

12. СИЗО- 1.

4 января 1994 года меня привезли в СИЗО-1. Вещей со мной практически не было, а из продуктов остались лишь несколько блинчиков с мясом, приготовленных моей женой. Вначале меня завели в небольшую камеру без света, где была только одна лавка, и продержали там минут 30. После вывели в большую комнату, где двое сотрудников с овчаркой стали меня досматривать. Один из контролеров предложил отдать блинчики собаке и я не стал возражать. На столе передо мной лежало мое личное дело, на обложке которого кроме моих анкетных данных были написаны через дробь две буквы Б/С, то есть бывший сотрудник. Затем меня повели получать матрац и спальные принадлежности и после этого отвели в «ментовскую» камеру.

Войдя в камеру размером 5 на 10 метров, я поздоровался с находящимися там людьми, сказал свои статьи, после чего старший камеры указал мне место на одной из верхних кроватей. В камере везде стояли двухъярусные металлические кровати, называемыми шконками. Посередине стоял длинный стол для приема пищи. Слева был туалет, а справа у стены я увидел умывальник. Скажу сразу, что в этой камере я провел две недели до суда. Сейчас я понимаю, что посадили меня в СИЗО с целью устрашения, да и только. За это время я познакомился со многими. Там находился начальник Отделения ГАИ, высокий такой майор с бородкой. Далее был невысокого роста оперуполномоченный ОБЭП, который находился в СИЗО уже 3 года и все направлял жалобы в различные инстанции. Много было молодых ребят, которым нечем было заняться. Так, один молодой лейтенант распускал шелковые носки на нитки, а затем этими нитками оплетал различные шариковые ручки. Получалось очень красиво.

Через 2 дня меня вызвал один прапорщик с овчаркой и повел меня по коридорам. Я не знал куда. Вскоре выяснилось, что меня вели для снятия отпечатков пальцев и фотографирования. В комнату, куда меня завели, находилась женщина-прапорщик довольно полной наружности. Она делала свою работу, одновременно беседуя со мной. Так, я ей объяснил за что меня арестовали. Сказал, что меня подставили. Далее, когда за мной прибыл конвоир с овчаркой и что-то грубо ляпнул в мой адрес, то, неожиданно для меня, эта женщина резко осадил охранника, сказав, что я порву его вместе с овчаркой. У того кадра глаза полезли на лоб и он вмиг стал шелковым.

Часто нашу камеру, так же как и остальные, шмонали вместе с собаками, то есть обыскивали. Для этого всех выводили из камеры и строили перед ней в две шеренги. Всем было положено держать руки сзади, но я этого не делал ни разу. После обыска, в результате которого ничего никогда не находили, мы заходили в камеру. Нож для резки хлеба особо не прятали и охранники его не трогали.

Изредка меня навещал мой предатель-адвокат. И однажды он проделал такой психологический трюк, проверяя сломлена ли моя воля или нет. И должен сказать, что я на этот трюк попался. Да и состояние у меня было угнетающее. Так, однажды мы с адвокатом беседовали в специальной комнате по моему делу. И он, как заговорщик, достал из своего дипломата один мандарин и, очистив его, дал мне. После того, как я его съел, он спрятал шкурки мандарина в дипломат- заметал следы. И, как сейчас помню, он внимательно наблюдал за мной, за моим поведением. Но я не знал тогда, что он не на моей стороне, доверял ему. Да, я не анализировал его поведение, его разговоры и сейчас корю себя за это. Но сейчас он умер и пусть его предательство останется на его совести.

Так прошли две недели и в один прекрасный день последовала команда: «С вещами на выход!». И я покинул эту камеру и был уверен, что сюда больше не вернусь. Далее я очутился в городском суде, где по просьбе адвоката меня отпустили для изучения материалов дела под подписку о невыезде. Я был абсолютно уверен, что дело

сфабриковано и меня оправдают. Но я не знал, что и судья окажется сукой. Суд перенес рассмотрение дела на месяц и я отправился домой к радости своих родственников.

13. Наш «гуманный» суд.

Итак, настало время суда. Мой дорогой адвокат на это заседание не явился – видимо все уже было решено. И я оказался один на один с судьей и двумя женщинами-заседателями. Суд оказался хорошо спланированным шоу. Свидетели сменяли один другого. Там были и наркоманки, и мои товарищи по работе, Барычева В. С. и другие. На все мои ответы и объяснения судья не обращал никакого внимания. В конце заседания он, улыбаясь, спросил у меня: «Так куда же делась черная икра?». Заседатели мило заулыбались. Приговор, который вскоре огласил судья, меня ошеломил. Решено было уволить меня от должности. Честь мундира была спасена.

Через несколько дней у здания милиции я случайно встретил своего адвоката и он мне без каких либо пояснений просто посоветовал, чтобы я не обжаловал решение суда. Тогда я еще не знал, что мои приключения не закончатся увольнением из органов внутренних дел. У меня был сильный характер. Но по-настоящему характер личности проявляется в сложные времена. То, что эти времена для меня наступят, я тогда не знал.

Но именно в этих сложных, непривычных для простых людей и непредвиденных ситуациях способности человека умножаются, закаляя сильных и подавляя слабых. И сейчас по прошествии 15 лет, после неоднократного общения с различными адвокатами, я знаю точно, что судья не имел права судить меня по этому неизвестно откуда взявшемуся акту об изъятии черной икры, хотя и написанному мной, поскольку этот акт не был изъят в присутствии понятых. Сейчас наш дорогой судья работает адвокатом в нашем небольшом городке. Он, наверно, спокойно утром ходит на работу, а вечером возвращается домой с чувством выполненного долга. Но он даже не догадывается, что в нашем небольшом городке есть, как минимум один человек, думающий о нем очень часто. Думающий и мечтающий о том, как этот бывший судья отправится в мир иной и желательно пораньше. И не дай бог в моей семье что-либо случится, он просто подавится черной икрой. Впрочем не только он один, а вся их группа по моей подставке. Но в 1993 году я их просто ненавидел. А сейчас в 2008 после того, что со мной сделали спецслужбы, я просто желаю их смерти. Но об этом, мой дорогой читатель, Вы прочитаете дальше и, я уверен, будете, как минимум, удивлены и заинтригованы происшедшими далее со мной событиями.

Моему сынишке Владу исполнилось 5 лет.

14. Жизнь продолжается.

Мы с моей женой Ириной продолжали торговать вещами на рынке. В 1994 году мы все еще проживали у ее родителей. Так продолжалось до января 1995 года, когда мы, к нашей радости, получили двухкомнатную квартиру в новом десятиэтажном панельном доме. Сделав быстро ремонт, мы переехали в нее. Вскоре произошли два важных события: я познакомился с соседом и приобрел месячного щенка добермана. Со своим соседом, Львом Борисовичем Рейманом, мы столкнулись перед входными дверьми. Он выходил, а я пытался войти к себе домой. Там мы и познакомились. Лицом он был похож на армянина, о чем я ему и сказал. Но он ответил, что не армянин. Позже мы познакомились семьями и стали дружить. Вместе отмечали дни рождения, часто были друг у друга в гостях. Лев работал хирургом в городской больнице, а его жена Света - учителем английского языка в одной из школ. У них была пятилетняя дочь Анжела. С ними также проживала мама Льва – такая приятная бабушка, спокойная по характеру, очень верующая и доброжелательная.

Говорят, что каждый человек, желающий приобрести собаку, подбирает породу собаки по своему характеру. И я был в этом случае не исключением. Мне нравились доберманы и я выбрал именно эту породу служебных собак. Я знал одного хозяина доберманши, благо он проживал от меня близко.

Мы часто виделись в парке и я был в курсе, когда должны были появиться щенки. Доберманша была упитанная, имела отличную родословную и ее повязали с таким же отличным кобелем. Своего милого месячного Ральфа, так я его позже назвал, я принес домой на руках. Впоследствии я был очень счастлив своим приобретением и воспитывал этого умного пса по своему характеру. По достижении девяти месяцев я стал возить Ральфа три раза в неделю на дрессировку. Позже я несколько раз выставлял его на выставки, где он получал отличные оценки. Ральф был таким упитанным красавчиком, черным с коричневыми подпалинами и стоячими ушами. Каждое утро и каждый вечер после работы мы с ним гуляли на пустыре за нашим домом. Он меня слушался хорошо, хотя иногда недалеко отбегал, но всегда держа меня в поле своего зрения. В квартире, пока он еще был щенком, также как и другие щенки, он много пакостил. Так, он погрыз туфли жены и сделал несколько дыр в линолеуме. Он рос очень воспитанной собакой. Так, однажды к моему Владу пришел соседский мальчик и они играли в коридоре. А мы с женой ужинали на кухне. Вдруг я услышал ворчание Ральфа в коридоре. Я быстро прошел туда и увидел, как Ральф своей вытянутой мордой отталкивает руку соседского мальчика, пытавшегося его погладить. Да, Ральф понимал, что это ребенок, и не укусил его, показав при этом своим ворчанием, что он недоволен. Я погладил Ральфа и сказал ему, что он молодец. Да, сейчас в 2008 году остается только вспоминать о моем Ральфе, которого сейчас нет со мной. Рядом, свернувшись клубком, лежит на диване кот Кеша – короткошерстный экзотический перс. Его я привез от знакомой в 2004 году, когда ему было 2 года. Сейчас мы всей семьей привязались к этому умному коту. А я, хотя мне ближе по характеру собаки, просто запретил себе брать в дом собаку. «Почему?» -спросите Вы. Но я не хочу сейчас об этом вспоминать потому, что это слишком тяжело для меня. Просто позже Вы обо всем узнаете.

15. Год 1996. Адвокат Лисненко Людмила Анатольевна.

Еще в декабре 1995 года я обратился в одну юридическую консультацию, где дежурный адвокат направил меня к своей коллеге - Лисненко Л. А. Когда я начал рассказывать о своем деле, то сразу сказал ей, что на нее будут давить различные органы. На что она отреагировала так: повернулась к своему соседу по столику, такому пожилому седовласому адвокату и громко его спросила: «Можно ли на меня давить?». Тот только молча заулыбался. Я затем подробно рассказал ей о своем деле, на что она сказала, что надо писать жалобу председателю областного суда. Я хорошо заплатил Лисненко. Она добросовестно изучила мое дело и на личном приеме подала жалобу председателю областного суда, который прислал отписку 5.01.1996 года.

Вот текст ответа: «Ваша жалоба, поданная на личном приеме, на приговор Н-ского горсуда Н-ской области от 18 февраля 1994 года в отношении Федорова А. Н. рассмотрена с истребованием уголовного дела и оставлена без удовлетворения. Вина Федорова А. Н. в злоупотреблении властью и служебным положением подтверждается доказательствами, исследованными в судебном заседании показаниями потерпевшей такой-то об обстоятельствах, при которых у нее была изъята икра, свидетелей таких-то, данных в судебном заседании, а также протоколом изъятия от 4 сентября 1993 года, составленным Федоровым А. Н. Действия осужденного квалифицированы по ч.1 ст.170 УК РСФСР правильно. Довод жалобы о том, что свидетели такие-то оговорили Федорова, признан несостоятельным; показания указанных лиц оценены судом и признаны достоверными. Ссылка в жалобе на то, что обвинение Федорова не конкретизировано, признана необоснованной. Нарушений права Федорова на защиту в процессе предварительного расследования дела, влекущее отмену приговора, не установлено. Оснований для опротестования приговора в порядке надзора не имеется.

Председатель областного суда _____ Подпись».

То есть фактически Лисненко для меня ничего не сделала и., я уверен, она заранее знала, что из этой авантюры ничего не получится.

Ну что я мог сказать на это. Ни-че-го !!!.

16. 31 декабря 1998 года.

В этот день я, как обычно, торговал. А уже вечером в центре города заехал в универмаг, чтобы купить пылесос. Около 17-30, выйдя из универмага с покупкой, я сел в машину и поехал по проспекту Ворошилова до улицы Лермонтова, чтобы развернуться для движения в обратном направлении. Включив левый поворот, я начал поворачивать налево и остановился, пропуская встречные машины. И в этот момент я почувствовал удар в левую переднюю дверь. Эту дверь я открыть уже не смог и, поэтому, вылез через переднюю правую. Выйдя из машины, я вначале осмотрел свою сильно помятую дверь, а затем, оглядевшись, увидел стоящую рядом с моей машиной автомобиль «Вольво» старой модели, возле которой стояли двое парней. Впоследствии виновником аварии оказался Аветисян Виталий Мартиросович 25 лет от роду. С самого начала он вину свою не признавал, хотя мне было очевидно, что так ударить в левую дверь можно только специально. Сразу же откуда-то появились гаишники, которые составили схему ДТП и направили нас на медицинское освидетельствование. После чего мы приехали в городскую госавтоинспекцию. Через несколько дней я сделал экспертизу своей машины. В дальнейшем я часто приезжал в горгаи, но то следователя не было, то он был занят, то говорил, что дело еще не закончено. Короче, как я понял, он тянул время. Далее я заметил, что со мной что-то происходит. Ухудшилась память, да и вообще с головой стало происходить что-то непонятное. Я обратил внимание на то, что на мою голову оказывает влияние срабатывание сигнализации некоторых машин. Кроме того я часто начал встречать людей, у которых рука была в гипсе. Однажды на рынке, где я торговал, появилась одна наша знакомая Марина и, когда мы разговорились, пообещала помочь мне в деле с аварией. Потом появился «Джон». Во всяком случае он так себя называл. Ему я отдал все документы по аварии. Он обещал помочь, но затем испарился. Через месяц я обратился к нашей знакомой, чтобы она передала «Джону», что мне нужны документы. Но она ответила, что не знает как его найти.

Этот разговор происходил на работе у Марины. Она работала в Собэсе одного из районов города. Я сидел и разговаривал с Мариной, когда она сказала, что брату ее сделали операцию, а хирург оказался честным и денег не взял. Но одновременно с этими словами в комнату, где мы разговаривали, вошла женщина в рыжем парике и в очках с сильными линзами. Она в упор посмотрела на меня, но мне уже все было безразлично. Так мне сделали внушение говорить и делать все честно.

Было уже начало февраля, когда я начал собирать повторно документы по аварии. У меня появилась какая-то тревога. К этому времени я уже понял, что авария мне организована точно, но не знал кем именно.

Но я понимал, что эти силы мешают мне в решении вопроса по аварии в положительную для меня сторону.

Однажды в коридоре горгаи я попытался пройти к кабинету следователя, но дорогу мне загородили три человека в гражданской одежде. Вдруг откуда-то появился капитан милиции, который обратился к этой троице со словами: «У нас проводится опрос среди населения: Как Вы считаете, сможет ли Степашин быть премьер-министром?». Я это все слышал, а затем прошел к кабинету следователя.

В этот же вечер мы с женой поехали к нашим родственникам Ирине и Андрею в гости, но к ним же по телефону напросилась поехать и мать Андрея. Приехав на место, мы все прошли в комнату и стали смотреть телевизор. По нему как раз передавали про нового премьер-министра. Вдруг, неожиданно для меня, мать Андрея спросила, обращаясь ко мне: «Как ты считаешь, сможет ли Степашин быть премьер-министром?». То есть слово в слово повторила вопрос, который я слышал в горгаи. У меня в голове как будто что-то щелкнуло. И вскоре мы с женой засобирались домой. Приехав домой, я сразу же

подошел к ящику, где лежали документы по аварии, достал их, разорвал и спустил в унитаз.

Сейчас я понимаю, что услышанные мною дважды слова про Степашина были не случайны. Это был гипноз с целью уничтожения мною документов по аварии. Но, если к этому прибавить еще и технические средства (якобы простая сигнализация машины), то это есть кодировка человека путем воздействия на его подсознание звуковыми волнами различной частоты. Впрочем, дорогие друзья, об этом все подробненько есть в интернете. Самое главное заключается в том, что запретить заниматься этими экспериментами на людях спецслужбам России никто не может и наказать их за это тоже нельзя. Нет такого закона и никогда не будет – себе дороже. Да и спецслужбы никогда не признают этих экспериментов, которые проводятся с целью управления массовым сознанием населения страны или, при необходимости, сознанием отдельной личности. Впрочем эти эксперименты проводятся не только в нашей стране и ,если залезть немного глубже, то можно предположить о проведении совместных экспериментов отдельными странами. Но давайте вернемся к нашим баранам или на землю что ли.

Вскоре мне позвонил следователь и пригласил к себе. Когда я приехал к нему, он сообщил мне, что я прав в аварии и дал мне документ об этом.

Мне становилось все хуже и хуже. Куда-то делась моя сила воли. Я не мог ничему сопротивляться и стал ручным. Так, однажды на рынок ко мне подошел один молодой человек и сказал, чтобы я приехал домой к Аветисяну поговорить. Когда мы с женой приехали к нему, то нас там ждали несколько человек. Виталий подошел ко мне и сказал, чтобы я отдал ему 7,5 тысяч за ремонт его машины и я их отдал, так как воля моя была парализована. И это несмотря на то, что виноват в аварии не я. Вскоре мы уехали домой. Я не знал, что мне делать.

Вечером я зашел к соседу Льву Борисовичу за советом. Я сказал, что хочу обратиться в органы. В квартире у соседа находилась одна его родственница, которая спросила у меня: «Может не надо в органы?». Вскоре я вышел от соседей, закрыл дверь их квартиры и сразу же услышал скандал между Анжелой и этой родственницей. И я это запомнил. Почему?. Да все потому, что мои, ничем не испорченные, мозги давно уже все время думали и все анализировали.

В этот же вечер я написал письмо на имя начальника УФСБ области, думая, что он мне поможет. О боже! Какой же я наивный в свои 38 лет! А мне становилось все хуже и хуже. У меня уже появился страх. Мне становилось хуже от каждого взгляда, направленного в мою сторону. Стало труднее вести машину из-за моей невнимательности, но я все же ни разу не попал в аварию. И, хочу отметить, что выпившим гораздо легче водить машину, чем закодированному человеку и под воздействием гипноза. Кроме того, в этот период я часто смотрел на себя в зеркало. Не любовался собой, конечно. Просто, друзья, у меня были сильно расширены зрачки.

Я перестал торговать на рынке. Кроме того я заметил, что на мою голову оказывает влияние махание руками и различные повторяющиеся движения, например стряхивание пыли с брюк (элементы кодировки). Кроме того, я ежедневно выходил гулять с собакой, моим милым Ральфом, и с каждым днем я стал ощущать, что мне дается это все труднее и труднее. В письме на имя начальника УФСБ, написанного мною в начале апреля 1999 года, я описал события моей жизни, начиная с незаконного увольнения из органов внутренних дел и кончая аварией. Где-то дней через 15 из ФСБ пришел ответ, что я обратился не по адресу, так как нужно было писать в прокуратуру.

Вскоре я обратился к адвокату, в результате чего было составлено 2 документа на имя прокурора области: 1. Жалоба на необоснованные действия следователя прокуратуры Чудакова; 2. Жалоба в порядке надзора. И 15 марта 1999 года я передал эти документы

прокурору области. Как сейчас помню, к прокурору я попал не сразу, а минут через тридцать ожидания. Но вот я в кабинете подал ему 2 моих жалобы, вкратце все рассказал, в том числе и про аварию. «Что я резиновый?» - сгоряча спросил я и заплакал. Прокурор молча кому-то отписал материал и мы попрощались.

А мне становилось все хуже. Я стал подозревать ближайших родственников жены, что они работают против меня, о чем я говорил ей неоднократно. А однажды вечером жена хотела прогуляться со мной и стала одевать куртку. Но я настоял, чтобы она надела другую. Просто я подумал, что в той куртке у нее микрофон (ВСЕГО-НАВСЕГО). Днем я часто выглядывал в окно, где выискивал незнакомые машины, из которых должна была вестись слежка за моей квартирой. Я не мог с собой ничего поделать, хотя я знал, что мои жена и 11-летний сын переживают за меня. Но я знал одно из правил спецслужб – не трогать семью, и это меня как-то успокаивало, хотя в то время меня нервировало буквально все. Некоторым заслуженным людям ставят памятники при жизни. И это относится к моей жене - простой русской женщине, которая все это перенесла и которой я очень благодарен. И, видит бог, будь я богат, я бы озолотил ее, потому, что нет ничего ценнее, чем любовь и преданность близкого Вам человека, с которым Вы прожили многие годы.

В этот период я торговал на рынке «Гуливер», который собирались закрывать. И однажды вечером после торговли у рынка был митинг, на который пошел и я. Так вот выступал один оратор и собравшиеся, среди которых были в основном продавцы с рынка, часто хлопали в ладоши. А после митинга я заметил, что чувствую себя очень плохо. Кроме того, во время торговли некоторые продавцы и покупатели делали мне «страшные глаза».

Однажды, гуляя с Ральфом, мы проходили мимо мужчины и женщины, которые стояли недалеко от дороги, по которой мы с ним гуляли. Они стояли около своей машины. И я заметил на обоих очки с сильными линзами. Когда мы с Ральфом проходили возле них, то они одновременно повернулись в мою сторону и долго смотрели в упор на меня. И я ...побежал с Ральфом на поводке. Вскоре я завел его домой и сразу же зашел к своему соседу Льву Борисовичу, который лежал на кровати в зале и дремал. Я присел возле него и, когда он приподнялся, резко проговорил: «Прошу прекратить гипноз и воздействие на психику!». Нужно было видеть глаза Льва, когда он встал и молча прошел в другую комнату. А ко мне сразу же вышла Анжела и спросила: «Может эта порча?». Я ответил: «Нет, не порча» и ушел к себе домой. А в глазах моего соседа был не просто страх, а ужас. И я даже сейчас не пойму, как я мог это заметить и запомнить, принимая во внимание тот факт, что я сам находился под гипнозом. В моей голове уже прочно сидел страх. Я часто смотрел в зеркало и видел, что зрачки у меня сильно увеличены. Должен заметить, что профессионалы, которые занимаются гипнозом и кодировкой людей, т. е. по программе превращения людей в биороботов часто маскируют все под обычные повседневные, так сказать дела. Отсюда и так называемая «порча» с целью маскировки.

17. Я предал Ральфа (апрель 1999 года).

Прошло уже 9 лет с тех пор, как Ральфа нет с нашей семьей. И я даже не знаю, жив ли он или нет. Ему уже 13 лет и он для меня вечно живой. Я храню память о нем в своем бумажнике, где у меня находится его фотография, сделанная еще полароидом в 1996 году, когда Ральфу был 1 год. Да, я всегда вижу моего Ральфа, когда открываю бумажник. Но там только его фотография и это вовсе не желание выделиться из толпы. Часто люди в портмоне хранят фото своих близких. Но я просто отдаю дань памяти моей собаке. Дань памяти его верности мне. И еще, дорогие читатели, задумайтесь вот о чем: человек может предать человека, а собака своего хозяина – никогда. Но вернемся к тому странному для меня времени. К апрелю 1999 года я уже не мог гулять с собакой. Я находился под гипнозом, но еще не обращался к врачу. Моя жена Ирина также не могла гулять с Ральфом, так как он очень сильно тянул поводок. Машину я еще кое-как водил. И вот 10 апреля я, собрав все медали и грамоты Ральфа, поехал с ним в другой город в приемник для домашних животных. Когда мы подъехали к приемнику, то я заметил, что на многих окнах отсутствовали стекла. Я привязал Ральфа у лестницы, а сам поднялся на второй этаж. Там я познакомился с директором этого приемника, договорился о содержании там Ральфа, после чего отдал ей все его медали и грамоты. Затем меня попросили завести Ральфа в одно помещение на первом этаже, что я и сделал. А потом я закрыл двери на засов. И Ральф оказался для меня в другом мире. В том грязном огромном помещении был лишь старый матрац и грязная алюминиевая миска. Внутри у меня все похолодело и я отходил от этого здания к своей машине на ватных ногах, а в глазах стояли слезы. Слезы беспомощности в этом жестоком мире. Я, не предававший никого и никогда в этой жизни, был вынужден предать моего верного Ральфа из-за своей болезни, сделанной спецслужбами. И первый раз в жизни я себя возненавидел, как ненавидел бы своего самого злейшего врага. Прости меня, мой милый Ральф, но нет мне прощения. В машине я рыдал минут 5, не в силах тронуться с места. В этот короткий промежуток времени я вспомнил, как Ральф спас от неминуемой гибели мою семью, когда я находился в Москве. Представьте себе картину: моя жена поставила поздно вечером большую кастрюлю на газ с костями, мясом и кашей, чтобы сварить Ральфу еду и забывает про эту кастрюлю. Она укладывает спать нашего сына в другой комнате, закрывает дверь и подкладывает снутри под ручку стул, чтобы Ральф не открыл дверь. Когда все выгорело и повалил удушающий дым в коридор, Ральф бился в дверь до тех пор, пока она не открылась и разбудил ночью мою жену. После моего приезда из Москвы запах горелых костей еще неделю стоял в подъезде.

18. Поход в прокуратуру. Знакомство с доктором. (Апрель 1999 года).

15 апреля 1999 года мне почему-то захотелось забрать жалобы из прокуратуры области (по всей видимости внушение). К этому времени я уже нес всякую околесицу и с большим трудом ездил на машине. Подъехав к зданию областной прокуратуры, мы с женой вошли в него. Однако поднялась в нужный нам кабинет жена одна, оставив меня внизу. Вскоре она вернулась от следователя за мной и мы поднялись на 4-й этаж.

Нас пригласила в кабинет женщина в гражданской одежде, довольно полная, среднего роста с очками на лице, которая представилась старшим следователем прокуратуры Варенцовой Маргаритой Владимировной. Сидя напротив нее, меня сильно штормило. Я вдруг начал плести о том, что у моей тещи кто-то на соседней улице торгует мясом. Далее я сказал, что наш родственник продал мне канистру бензина, на что прокурорша лишь спросила: «Что , правда одну канистру?». И как-то ей было весело. Затем я что-то еще плел, однако Варенцова быстро прервала мой понос слов. Она обратилась скорее к моей жене, чем ко мне, со словами о том, что мне надо написать, чтобы жалобы не рассматривались. Поскольку я уже не мог писать ручкой, то бланк заполнила Ирина, а я лишь расписался. И в конце разговора Варенцова добавила моей жене: «Вы можете его потерять!». Вот сука. Затем мы кое-как доехали домой. И, я удивляюсь, как мы не попали в аварию., учитывая тот факт, что я 2 раза проехал на красный свет.

На следующий день мой сосед Лев попросил меня отвезти его в другой город и, когда мы в него въехали, он попросил заехать в один двор, в который я мог заехать, только нарушая движение, что я и сделал, правда, скажем так, заставив себя через силу это сделать. При этом Лев сказал, что он сам неоднократно так ездил. А это, друзья мои, была проверка моего состояния с целью определиться, что и как дальше делать.

Где-то через 2-3 дня я уже был лежачим больным. Ночью мне снились кошмары в те немногие часы, когда я мог спать. С занавески на меня смотрели две вишенки из рисунка, и мне было страшно смотреть на эти 2 глаза, которые меня преследовали. И мне приходилось перед сном отворачиваться от окна из-за этих глаз.

Вскоре моя Ирина обратилась к соседу Льву Рейману, чтобы он привел психиатра. И вот этот день настал. Психиатр, мужчина чуть старше меня и шире в плечах, мне понравился сразу. Я ему начал говорить, что за мной ведется слежка, на что он спросил: «А что действительно было?» Я ответил: «Откуда я могу это знать?» - все же сработало мое чувство самосохранения. Далее, помню, я чуть ли не со слезами на глазах начал говорить врачу, что меня отвезут в дурдом. Но доктор ответил сразу: «Нет, об этом не может быть и речи». Вообще разговор длился недолго. Рядом с психиатром сидел мрачноватый Лев Борисович и молчал. О чем он думал - я не знал. Ведь я не был телепатом. Затем мы попрощались.

Уже ночью я просил жену в случае моей смерти поставить мне памятник из красного мрамора в виде сломанного меча. Это было бы довольно символично и необычно для нашего небольшого городка. Такой памятник я видел в Москве на Новодевичьем кладбище.

Сейчас я помню абсолютно точно, что мне назначили сильнодействующие препараты. Причем некоторые таблетки я принимал по 2 за один прием. Так я принимал препараты около месяца.

И сейчас я хочу рассказать об экстрасенсе Юлии Петровне Бочкаревой. Как-то моя жена торговала на рынке, а я болел дома. И тут ее подруга Лариса подошла к ней и сказала, что к ней подошел один мужчина и рассказал, что его жена экстрасенс и ведет прием на дому. Он оставил номер телефона Ларисе, а она передала его Ирине, зная, что я болею. Придя домой, Ирина с радостью дала мне этот номер телефона. И вот я по телефону договорился о встрече на определенный день и час.

Приехав первый раз к экстрасенсу Юлии Петровне, я встретил женщину приятной наружности, среднего роста, слегка полноватую и весьма приятную в общении. Я обратил внимание на комнату, где вела прием экстрасенс. Повсюду на стенах висели ее грамоты и дипломы. На столе горели свечи, там же лежали библия и крест. Кроме того, в центре стола лежал на тарелке большой стеклянный шар. Вот Юлия Петровна поставила меня у одной из стен лицом к себе. Сама же взяла в каждую руку металлическую спираль Г-образной формы и направила на меня. Однако спиральки на меня никак не хотели показывать. На это Юлия Петровна сказала, что у меня нет биополя. Затем она положила меня на кровать, одела на мои уши наушники и я стал слышать приятную мелодию и кто-то что-то непонятное говорил.

А Юлия Петровна водила своими руками над моей головой. Так продолжалось минут 15-20. Затем я поблагодарил экстрасенса и заплатил ей деньги, какие я мог ей заплатить. Специальной таксы по оплате у Юлии Петровны не было. Все платили, кто сколько мог. А одна девушка даже оплачивала эти услуги домашней птицей. Так я ходил к Юлии Петровне в течение 1,5 месяцев по 2 раза в неделю. По ее указанию я принимал семена льна. И все это лечение в комплексе мне сильно помогло. Мне стало гораздо лучше и 14 мая 1999 года я поехал в Москву за ремнями. 15 мая я уже был на Лужниках. И именно там, проходя вдоль ряда машин, я вдруг услышал сработавшую сигнализацию у одной из машин и в моей голове что-то где-то сдвинулось. И мне сразу стало хорошо, как будто ничего со мной не происходило. До отправления автобуса оставался примерно час и я, стоял недалеко от него, облокотился на трубу и думал о том, что неужели все позади, неужели от меня отстали спецслужбы. А затем мы поехали домой и напротив меня в автобусе немного наискосок я увидел новую попутчицу, которая села в Москве. Она расчесывала свои волосы расческой, а я смотрел на нее, как замороженный, не в силах отвести свой взгляд. И от этих часто повторяемых ее движений мне становилось все лучше и лучше (элементы кодировки).. Приехав в родной город и зайдя в квартиру, я первым делом поднял 24-килограммовую гирию и сделал по 10 отжиманий каждой рукой. Затем я запрыгнул в ванну и нежился в ней минут 40-50, чего со мной ранее никогда не было. Я опять был здоров и готов на подвиги ради своей любимой семьи. Я целовал свою жену и счастья моего не было предела. Но моя радость была недолгой.

14 мая пришел ответ из прокуратуры области о моей просьбе не рассматривать мои жалобы.

19. Прозрение (май 1999 года).

16 мая я привез своему соседу Льву из Москвы спортивный костюм, который он мне заказал. И где-то в 17-00 зашел к нему домой с костюмом. Лев был в зале, но пообщавшись со мной где-то с минуту, он вышел в другую комнату, а ко мне подошли его мать и жена. Они смотрели в область моего сердца где-то секунд 30-40, расположившись под углом 90 градусов по отношению ко мне. При этом мы все молчали, а затем я передал Льву костюм и пошел домой. Но дома я заметил, что мое сердце бешено бьется. Оно было готово выпрыгнуть из груди. Если учесть тот факт, что еще днем с моим здоровьем было все в порядке, то не заметить столь резкое изменение работы моего сердца я просто не мог. На следующий день Лев предложил пойти в сауну, что мы и сделали. Там была массажистка и я запомнил то, что она мне сказала. Массажирюя мне спину, она нажала на одну точку, расположенную в левой нижней части спины. Я застонал. Женщина спросила: «Что, сердце болит?». Я ответил утвердительно. На что последовал ответ: «Это не сердце».

Уже вечером я проанализировал свою новую болезнь и понял, что это на 100% сделали соседи и, следовательно, их подселили ко мне не случайно и что они работают на спецслужбы. Но на какие?. Просто ФСБ или что-либо покруче типа Главного разведывательного управления.

Таким образом в конце мая я перестал даже здороваться с семьей Рейман. Мой анализ лишь подтвердил для меня возникшее ранее подозрение, что семья Рейман причастна к гипнозу и воздействию на мою психику. Хотя моя жена мне не верила и продолжала общаться с соседями и я ей в этом не препятствовал. В моей кардиограмме в то время было написано: «Положение электрической оси сердца - отклонение влево, резко вправо. Электрическая позиция сердца - горизонтальная, ритм синусовый. Блокада передней ветви левой н.п. гиса. Умеренно выраженные диффузные изменения в м-де левого желудочка».

Прошло уже 11 лет с тех пор, но мне до сих пор непонятно, почему и кем было приказано сделать мне блокаду сердца. Думать о том, что они на мне лишь тренировались, не позволяет здравый смысл. А ведь возможно и так. А что думаете Вы, профессионалы?.

20. Операция соседа-хирурга (июнь 1999 года).

Моей Ирине нужно было делать операцию по удалению поджелудочной железы. И она, конечно же, обратилась к нашему соседу. Зная, что, как хирург, Лев хороший специалист, я не стал возражать. И вот настал день операции. В операционную прошли наш сосед и начальник отделения хирургии. Я всю операцию (около 2 часов) находился в коридоре и ждал результата. Я знал, что Лев сделает все отлично, иначе ему не поздоровится. И вот вышел начальник отделения и сказал, что все благополучно.

Вскоре Ирину повезли в палату. А Лев Борисович все не появлялся. Я не стал его дожидаться и ушел домой. Только через год мне сказали, что Лев не делал операцию, мотивируя тем, что пациентка его соседка. Но я-то понимал, отчего у него могла дрогнуть рука. Да он врач, да он боец невидимого фронта, но он живой человек и у него тоже есть нервы. Но он раскрыт мною, простым офицером-десантником, который стоял в коридоре и ждал благополучного окончания операции. Лев Рейман даже не был в операционной. Он через соседнее с операционной помещение вышел на лестницу и нервно курил. А затем просто вышел через запасный выход. Друзья мои, что я Вам могу в связи с этим посоветовать. Просто будьте внимательны к себе и своим близким и знайте, что не все болезни возникают сами по себе. Да, и не удивляйтесь, если Вы вдруг что-то сделали то, что никогда раньше не делали и не могли сделать в силу каких-то личных причин - просто за Вас кто-то решил, что Вы должны это сделать.

21. Поездка на Родину (сентябрь 1999 года).

В своем родном городе на берегу Каспийского моря я не был с 1990 года, когда увольнялся из рядов Вооруженных Сил СССР. И, хотя я еще принимал препараты, мне после всех свалившихся на меня испытаний вдруг очень захотелось поехать на Родину. Там у меня остался один отец, проживающий с тетей Зиной и моей сестрой Ладой. Зинаида Петровна – вторая жена моего отца. Но, должен сказать, она всегда хорошо встречала меня в те редкие мои визиты, когда я появлялся в их доме. Сейчас моему отцу и тете Зине уже по 78 лет и дай бог им долгой жизни. Но вернемся к моей поездке. Я купил билеты в оба конца на самолет. Также приобрел необходимые подарки. В аэропорту первым прошел таможенный и пограничный контроль.

Полет прошел без приключений. И, поскольку мы с отцом созванивались, он встречал меня в аэропорту. Отец жил в однокомнатной квартире на первом этаже пятиэтажного панельного дома, куда мы из аэропорта и прибыли. Вечером было застолье, разговоры обо всем, в общем все были рады встрече. На следующий день после завтрака я прошелся немного до метро и поехал в центр города, где обычно любил гулять в детстве. Выйдя из метро, я был приятно удивлен увиденным – вокруг было много новых высотных зданий из металла и стекла, а старые здания было не узнать после ремонта. Я дошел до Торговой улицы, затем прогулялся до старого универмага и вот я уже дефилирую по бульвару. Я помню то время, когда и бульвара-то не было, а только большие камни, скалы и море. И вижу себя со стороны - маленький мальчик 3-5-летнего возраста в берете, стоящий на берегу и наблюдающий всю эту картину. Я гулял по бульвару и дошел до Девичьей башни. Туда я не мог не пойти. К башне от дороги ведет довольно длинная лестница, которой не было в шестидесятые года. Вокруг нее стояли небольшие домики, в одном из которых я и родился. А весь этот район и сейчас называется также, как и прежде, старой крепостью. Стоя у подножия башни, я любовался ее величием. Еще с детства я знал о том, что толщина стен в некоторых частях башни доходила до пяти метров. И простой наблюдатель легко мог заметить на ней небольшие бойницы для стрельбы стрелами из лука. Легенда гласит, что в древние века дочь шаха, хозяйина башни, влюбилась в простолудина и собралась бежать с любимым. Однако шах хотел выдать ее замуж за богатого. И тогда его дочь поднялась на самый верх башни и бросилась на камни вниз. Тогда у стен башни бушевало море.

Я вновь спустился к бульвару и дышал, дышал запахом йода, нефти и Родины и не мог насытиться. И я прошел до конца бульвара мимо всяких аттракционов, кафе и других заведений. Полюбовался Домом Правительства и кораблями, стоящими в порту. А затем я поехал домой к отцу.

Не могу не рассказать о нескольких встречах с моим другом детства Тогрулом. Сын художника и сам хороший художник, Тогрул работал в какой-то фирме и часто ездил в командировки. Однако рисовать не забывал и, бывало, на различных выставках его простой карандашный набросок мог быть продан за 600-700 долларов. Тогрул в совершенстве владел русским, английским и турецким языками. В разговоре со мной он признался, что его давно приглашали в Америку и, если бы не пожилой отец на Родине, он бы давно туда уехал. В беседах с Тогрулом я не скрывал, что со мной происходило в России и он меня внимательно слушал. А один раз пригласил в кино на дневной сеанс в старый кинотеатр недалеко от бульвара. Тогда я не придавал особого значения тому, что мы были в кинозале вдвоем. Фильм был не интересным. Мы его в общем-то и не смотрели, а просто беседовали. Сейчас я конечно же понимаю, что пока мы с Тогрулом ездили по городу на его старенькой «шестерке», он сумел организовать просмотр этого фильма только для нас двоих. Причем звонил он несколько раз при мне, но говорил то на турецком, то на английском. Да, Тогрул был профессионалом от спецслужб и, должен заметить, что его профессиональные качества, как художника, в его основной работе только помогали. А однажды мы подъехали в центр и Тогрул повел меня к небольшому магазинчику, где работала его супруга. Там торговали различными сувенирами для

иностранцев. Когда мы вошли и поздоровались, то обнаружили внутри пожилую пару иностранцев, говоривших на английском. Мне сразу бросилось в глаза их огромное отличие от нас, простых смертных, даже внешне. Это были люди из другого мира. Тогрул сразу же включился в разговор с иностранцами, а вскоре мы ушли. Ну а через несколько дней я уехал из милого моему сердцу города в страну, где в 18 веке родился знаменитый поэт, написавший эти строки:

«Природа – мать, когда б таких людей

Ты иногда не посылала миру,

Заглохла б нива жизни».

Отец провожал меня в аэропорту, но тут выяснилось, что рейс отменен.

Этого я конечно же не ожидал. Другое неприятное известие ожидало меня в кассах аэрофлота, когда выяснилось, что сдать билет и получить деньги я могу только в России. Денег у меня было, как всегда, минимум. И я кое-как их наскреб на плацкартный билет на поезд. Затем через двое суток я доехал без происшествий домой, где встретился со своими родными.

Вскоре по приезду я по совету моего психиатра Шомытова В. Н. сделал рентгеновскую компьютерную томографию головного мозга. Там было написано следующее: «Изменение плотности вещества – не выявлены. Незначительная асимметрия боковых желудочков Д больше или меньше S, незначительное расширение межполушарной щели, базальных чего-то; Смещения срединных структур – нет. Заключение: КТ – исследование не исключает наличие церебрального арахноидита. Подпись».

Во всем этом может разобраться только специалист, но я им не являлся. Но даже мне непрофессионалу было понятно: заключение было написано таким образом, что зацепиться было не за что. Да, что-то есть, но непонятно откуда. Но я уверен на 300%, что этот листок смотрели другие врачи - профессионалы от спецслужб с целью проверки изменения состояния моих мозгов после применения гипноза и ультразвуковых волн. Да и подшит этот листок в мое личное дело, которое хранится в Москве.

22. Архипо-Осиповка 2007.

Должен сказать, что с 1999 года по октябрь 2007 года особых изменений в моей жизни, на что можно было обратить внимание, не было, кроме того, что летом 2000 года семья Рейман покинула наш славный город и переехала на ПМЖ в одну из европейских стран, в чем я тогда сильно сомневался. Я продолжал принимать препараты и торговал ремнями на рынке. И мой психиатр стал для меня больше, чем родным человеком, потому что он знал с моих слов, что происходит со мной. Но помочь мог только своим лечением. В разговоре с ним как-то я сказал, что брошу семью и попрошу политическое убежище за границей. Кроме того я говорил, что соберу пресс конференцию с западными журналистами и мне есть чего им сказать. Но это я говорил в то время, когда мне действительно было хреново и я не знал, что мне делать, поскольку все это происходило со мной впервые. Да и говорил я это только для того, чтобы от меня отстали. Но ничего такого не происходило, видимо «друзьям» нужно было довести дело до логического конца. К осени 2007 года состояние моего здоровья было более или менее хорошим. И вот в октябре мы с женой решили поехать на машине на море в Архипо-Осиповку, в которую поехали по совету соседей. Должен сказать, что в этот период у меня был небольшой перерыв в приеме лекарств, то есть я их не принимал. Но голова моя работала как-то ненормально и Вы, дорогие читатели, скоро все поймете.

Мы добрались до Архипки за 5 часов. Нам отдыхающие подсказали, как проехать на центральную улицу. И вот мы уже едем по ней в сторону моря. Вскоре мы заметили двух женщин с плакатами, предлагающих отдых в домах и пансионатах Архипо-Осиповки, и остановились возле них. Но, переговорив минуту с одной из них, я решил проехать немного вперед и остановился у дома №44 по этой улице. От него до моря было чуть более 150 метров. На наше счастье было свободно два домика, да и цена нас устраивала. Вместе с нами на море отправился и наш кот – перс Кеша, который все 5 часов дрых на заднем сиденье машины. И все семь дней кот отдыхал только в домике, либо на крыльце, где грелся на солнце, если мы были рядом. Хотя сам Кеша особо не горел желанием куда-то отойти от домика, в котором были и его туалет, и мисочка для еды. Вечером мы уже были на море. Температура воды и воздуха была одинаковая - плюс 20 градусов. Когда мы вернулись с моря, то я заметил прибавление отдыхающих. Это были трое мужчин, приехавших также на машине. Им достался домик недалеко от нас, но питались они в беседке в трех метрах от нашего домика. Наш стол находился буквально в метре от их беседки. Мне сразу бросилось в глаза, что у двоих мужчин была явно военная выправка. Также было непонятно почему эти трое, приехавшие из Осетии, отдыхают без семей. С первого же дня эта тройка пыталась завести с нами знакомство, однако я пять дней держал их на расстоянии, присматривался к ним и дальше «здрасьте» по утрам разговор не заходил.

Мы с женой утром и вечером ходили купаться. Однажды я по пути движения к морю заметил две одинаковые машины одного цвета, стоящие рядом. Затем две девочки на набережной, увидев нас, одновременно одинаково начали поправлять волосы.

Как-то мы с Ириной проходили мимо тира. Но мне, бывшему офицеру, пройти мимо этого заведения было нельзя. Короче мне выдали пять пулек с хвостами и показали мишени – круги. Нужно было выбить более 45 очков, чтобы получить приз. Я стрелял, как обычно, стоя без упора, что очень сложно. Слева от меня стояли двое парней с короткими стрижками и стали молча наблюдать за моей стрельбой. Первая пристрелочная пулька попала в восьмерку. Затем были три девятки, десятка и восьмерка. Причем восьмерка получилась не случайно. Один из парней, стоящих рядом, сказал про мою стрельбу: «Наверно охотник». Я ответил: «Нет, бывший офицер». И целился в последнюю мишень. И тут парень спросил: «А разве бывшие офицеры бывают?». И в этот миг передо мной мгновенно пронеслась вся моя жизнь и рука моя дрогнула. Я сразу же вспомнил все мои страдания и сам себе ответил: «Нет, ребята, Вы правы, бывших

офицеров не бывает». Только настоящий офицер смог это все вынести и остаться со своей семьей в стране, не являющейся для него Родиной.

Затем мне предложили на выбор приз-брелок: зайца, тигра или лису. Как Вы думаете? Кого я выбрал ?. А выбрал я.....зайца.

И вот на шестой день, то есть за день до отъезда, я перестал мариновать эту тройку, которая, как я уже знал, прибыла в Архипо-Осиповку по мою душу. Это были офицеры. Тем более днем дважды якобы случайно сработала сигнализация их машины и мне вновь стало плохо. Это были офицеры, которым был дан приказ, и из уважения к ним я решил пригласить вечером их на ужин, о чем и сказал им. И они приняли мое приглашение. И я уже знал, что на ужине будут делать эти ребята. Вначале я решил написать на бумаге такие слова: «два раза что-то говорить, два раза что-то показывать» и положить эту записку в карман. А затем во время ужина передать для чтения эту бумагу офицерам. Но потом я отказался от своей затеи. Как бы бредово это не выглядело, но эти элементы относятся к кодировке людей через цифру 2. И вот ужин. Я решил выпить 3-4 стопки водки с офицерами, хотя ее вообще не пью. Что я хочу сказать об этой троице. Один высокий лет сорока восьми, представлял одну из народностей Северного Кавказа. Я ему мысленно присвоил звание полковника и назначил старшим группы. Вторым в звании подполковника был русским и наиболее активно работал против меня, так как сидел рядом. Он часто дважды повторял одно и то же. Показывал в телефоне фотографию двух одинаковых машин, фото своей жены, стоящей с вытянутыми в разные стороны руками, в каждой из которых было по мороженому. Третьему, невысокого роста усатому мужчине я мог бы дать и старшего прапорщика и полковника. Он был для меня темной лошадкой, поскольку большей частью молчал. У всех троих были короткие прически. В общем ужин прошел весело. Моя женушка, так же как и все, пила водочку, а я не мешал ребятам работать. А наутро перед отъездом я подошел к ребятам и сказал: «Ну что, бойцы невидимого фронта, до свидания!». Полковник был на улице, подполковник лишь хихикнул, а старший прапорщик, как обычно, резал лук в салат и внешне никак не среагировал. Ребята давно уже знали, что я их раскрыл, но ничего поделать не могли.

Мы долетели на машине домой за 4 часа, поскольку сын Влад должен был прийти домой в увольнение из части, где он служил. Около 12-30 мы уже обнимались с сыном - солдатом, а к 20-00 я отвез его в часть. Как офицер, я отправил своего сына служить в армию и, как отец, сделал все возможное, чтобы он служил дома. И я думаю, что Влад благодарен за это мне, хотя и служба дома не всегда бывает гладкой. Те, кто служил в армии срочную службу, понимают о чем я говорю.

23. Немного воспоминаний. Я раскрываю карты (октябрь 1999 года).

Этот разговор с уже полковником Фоменко А. А. произошел через месяц после моего возвращения с берегов Каспия. Тогда я вновь принимал какие-то препараты. Я очень даже ясно мыслил, однако мое сознание было каким-то заторможенным. Мне почему-то очень захотелось встретиться с этим полковником, занимавшим тогда должность начальника милиции в нашем городке. Эта была обычная суббота и мы случайно встретились с Фоменко перед зданием милиции за 10 минут до приема. Я робко подошел к нему и тихо спросил: «К Вам можно на прием, Александр Алексеевич?». Он по-барски ответил: «Ну, конечно, можно». Как будто знал о моем приходе, был готов к нему и приглашал в гости на беседу для записи под диктофон. Да, именно так я тогда и думал. Фоменко смотрел на меня, как удав на кролика, и слегка улыбался. Он, возможно, знал, что я на препаратах и что за меня взялись спецслужбы. Однако я себя жертвой не ощущал и вскоре доказал это, когда зашел в кабинет и присел на стул перед полковником. Я сразу же начал с места в карьер: «Поведение Вашей агентуры на рынке и поведение некоторой части покупателей навело меня на мысль, что надо с Вами встретиться. Кроме того Вами (имеется ввиду милицией) и ФСБ было проведено немало операций с целью припаять мне статью 117 – изнасилование (об этом позже). Что касается октября 1993 года, то эта была неудачная попытка вербовки наркоманки, я не знал на кого она работает. Работа участкового не интересна. Вы должны были изучить мои оперативные способности и использовать их по назначению на любом уровне». Вот так четко по-военному начал я беседу. Полковник только один раз уточнил про статью 117 и все. Его сильно постаревшее лицо от бессонных ночей и спиртного оставалось непроницаемым и он, как всегда, разговаривал с собеседником тихим и спокойным тоном. Да, выдержка у него была отменная. Но я продолжал натиск: 25 октября 1993 года Вы с Барычевой В. С. вызвали меня на улицу перед отделом по одному материалу. Зачем Вы это сделали?». Полковник только ответил: «Не помню, прошло столько времени». Но я ответил за него: «Вы вызвали для того, чтобы проверить сработает ли моя интуиция». «Конечно, - сразу оживился полковник, - много Вас таких (имеется ввиду взяточников)». Но я продолжал: «Мне достаточно было взглянуть на Вас троих: Вы, Барычева и начальник отделения ФСБ, который отходил от Вас, наклонив голову и слегка улыбаясь». Фоменко не проронил ни слова. «А скажите? - продолжал я, сколько времени прошло с момента, когда я отъехал от места встречи до момента, когда ко мне подошли ребята из шестого отдела?». Опытный оперативник, Фоменко, конечно же сразу понял, что я имею ввиду, но ответил просто: «Не помню». А я Вам скажу, что прошло около двух-трех минут. А за это время, друзья мои, я мог тысячу раз сделать машину «чистой», то есть выбросить оттуда деньги. Но я решил поиграть с теми, кто меня ловит, но им, как Вы знаете, моя игра не понравилась. Вот Вам и улыбающийся Гебешник, который запорол всю операцию. И я уже подходил к Фоменко и Барычевой готовый к разговору с ними и не случайно просил подписать материал в 19-00, хотя у меня была встреча с наркоманкой, на которую нормальный бы человек уже бы не поехал. Кроме того, когда я отъезжал с места встречи, в зеркале заднего вида я увидел, как Лина подбежала к водителю этих «блатных» жигулей и что-то ему сказала. И тогда я улыбнулся. Ну а сейчас после того, как я все четко выложил полковнику, я встал, пожал ему руку и вышел из кабинета с чувством выполненного долга и с легким сердцем, правда, с не совсем здоровой головой.

Хочу сейчас рассказать Вам, что я имел ввиду, когда говорил об операциях милиции и ФСБ, имеющих целью посадить меня в тюрьму за изнасилование. Их было несколько, но я остановлюсь на одной из них. Как-то мы с родственником Олегом зашли в кафе, которое находилось в парке. Там мы заказали немного выпивки и присели за столик. Недалеко от нас за столиком сидели две девушки в железнодорожной форме. Одна была стройная и симпатичная, а вторая очень полная и не симпатичная. Ну а поскольку мы с Олегом всегда помнили поговорку: «Всех не перетрахаешь, но к этому надо стремиться», то вскоре уже оказались за общим столиком с этими девицами. Затем мы их проводили

до вокзала, где отдельно стояли два вагона. Но в этот вечер мы просто попрощались с ними, а я договорился о встрече со стройной Светочкой на следующий день. Однако и на следующий и в другие дни она не хотела со мной одна встречаться, а только с подругой. А однажды я подошел к этим вагонам и увидел в другом вагоне женщину - проводника, у которой спросил, где проводники первого вагона. Женщина спросила у меня: «А, новенькие?». И это слово очень сильно резануло мой слух. Я сразу же ушел и больше не делал попыток найти Светлану. Возможно, это была случайная встреча, а вот если не верить в случайности и совпадения, то можно подумать, что аналитики ФСБ проанализировав мою личность, просто подставили милую девушку в форме, которая мне сразу понравилась.

Ну, вот и все в этой главе. Это был мой момент истины, может быть самый главный в моей жизни. Правда, я думаю, что Фоменко даже после этого разговора со мной было наплевать на то, что он сломал мне жизнь.

24. Жизнь продолжается. Октябрь 2007 – июль 2008 гг.

После приезда с моря я еще около полугода принимал препараты. Это были ф-сон, р-сет (рис-епт). Мне было хреново, но я продолжал торговать на рынке. Я раз в неделю встречался со своим психиатром и он, как всегда безошибочно, назначал мне лечение. Он помогал мне уже девятый год и никогда не говорил об оплате своих трудов. Этот человечный человек понимал, что мне и без того материально очень тяжело. Торговля у меня была слабой и она умирала с каждым годом. В этом году наш сын Влад обучился на охранника и в настоящее время работает по специальности на небольшую зарплату в восемь тысяч рублей в месяц. Во всем мире случился кризис и многие люди сидели без работы. Так я и проторговал до июля 2008 года и вот Вам первая новость.

Дорогие друзья! Моя мечта о работе в Службе Внешней Разведки России так и осталась несбыточной мечтой. Меня не взяли на работу в эту службу потому, что я оказался ... СЛАБАКОМ!!! Да, слабаком. Даже не взирая на те испытания, которые я прошел. Я не имел права, хоть и находился под гипнозом, заставляющем говорить правду, высказать своему лечащему врачу, что я брошу семью и попрошу политическое убежище. Я этими словами хотел заставить ФСБ просто отстать от меня и только. Но есть одно «Но». Разведке любой страны мира не хотелось бы иметь в своих рядах потенциального перебежчика. И поэтому я стою на рынке и продаю ремни и перчатки и до сих пор не знаю, как мне жить дальше в этой стране.

А вот вторая новость. В июле 2008 года мы с супругой выбрались-таки на неделю в отпуск в одну небольшую западноевропейскую страну. Через день после прибытия я, оставив на столе записку и все, имеющиеся у меня деньги, исчез из отеля. Через час я уже беседовал с одним из секретарей посольства Израиля про мои приключения за последние годы, а затем изложил все на бумаге. Да, дорогие друзья, я работал и продолжаю работать на разведку Израиля - МОССАД. Еще в далеком 1986 году, когда я служил в Монгольской Народной Республике и только-только развелся со своей первой женой и находился в депрессии, на меня, молодого старшего лейтенанта, вышла эта разведка. Причем вышла не случайно. У моего отца и деда были еврейские корни и мне предоставили неопровержимые доказательства о работе моего деда еще во время 2-ой мировой войны на Моссад. Так, еще в 1943 году во время конференции в Тегеране глав 3-х государств – США, АНГЛИИ и СССР мой дед находился там, где принимал активное участие в выявлении агентуры этих стран. В Чойбалсане со мной работал китаец по национальности, хорошо владеющий гипнозом и в совершенстве знающий русский язык. Он обучал меня противоборству спецслужбам СССР и методам агентурной работы, а также дал несколько явок в различных странах, в которых в дальнейшем я был. Позже с этим человеком я встречался еще несколько раз. Ну, а сейчас в посольстве мне сделали новые документы, по которым я затем вылетел в Израиль через соседнюю страну, куда меня доставили в багажнике посольского автомобиля. Далее в Израиле я полностью прошел медицинское обследование и через три месяца мое сердце, наконец, стало полностью здоровым. Я вновь стал делать упражнения с гирей и отжиматься на кулаках. Сейчас, после пластической операции, с новыми паспортными данными я вновь был готов к работе. Я уважаю умных людей и много противника и не боюсь с ним встретиться в новом поединке. И сейчас я вновь и вновь вспоминаю слова Оскара Уайльда о том, что стоит делать только то, что принято считать невозможным. Ведь эти слова можно полностью применить к разведке. Ну, а моя семья останется простой русской семьей в России потому, что она никогда и ни за что не уедет из этой страны, являющейся их Родиной.

Когда 31 декабря 1998 года ФСБ организовало мне аварию и я заметил в дальнейшем применение ко мне гипноза и кодировки, то в один из мартовских дней я в нужное время поставил крест красной шариковой ручкой на одной киноафише в левом нижнем углу, что означало опасность. Со следующего дня со мной были полностью прекращены все контакты и я «ушел в автономное плавание», то есть остался один на один с одной из

сильнейших спецслужб мира. И я считаю, что выиграл этот поединок, оставшись в живых и покинув эту страну.

Ну что, дорогие друзья, несколько неожиданно. Все могло бы быть действительно так, если бы не второе «но». Я никогда не был и не буду предателем своей семьи потому, что я очень и очень их люблю, хотя и не говорю об этом. И поэтому я, как и прежде, стою на рынке и зазываю прохожих купить ремни и раздаю визитки. Мне не нравится эта работа. У меня по-прежнему осталась блокада сердца и я не занимаюсь спортом. Но я живу в этой большой стране, называемой Россией, и по-прежнему ненавижу своих врагов, уволивших меня из органов внутренних дел, и желаю им только плохого. Но я никогда не пойду на их устранение потому, что я дорожу своей семьей и останусь с ними до конца. И не будет никакой пресс-конференции с западными журналистами, хотя мне есть, что им сказать. И это было бы на руку западным спецслужбам. Но я, как и прежде, остаюсь самим собой и вспоминаю классическую фразу о двух бедах в России – о дураках и дорогах. И буду думать о том, чтобы дураков в моей любимой стране было меньше, и буду ждать, чтобы дороги в России стали лучше. Ведь эти два качества – умение думать и ждать являются главными качествами так и не состоявшегося разведчика.

Ну, а теперь, друзья, скажите мне, какой же я выбрал брелок в тире. Да, конечно же..... тигра, хотя и сильно раненного, но все же тигра. Потому, что я был и остаюсь в душе бойцом. Просто таким меня создала мать – природа и я ей очень благодарен.

25. Вспомнить все.

А вспоминать действительно есть что и многое действительно надо переосмыслить. Это был примерно август 1993 года, когда нас, офицеров и прапорщиков отдела милиции, собрали в актовом зале и сказали, что будет выступление гипнотизера. Он, то есть гипнотизер, был невысоким парнем лет 25. Начал внушать что-то всему залу, а затем сказал скрестить пальцы рук над головою. Потом проверял, в том числе и у меня, как крепко держат пальцы. Я точно помню, что у меня пальцы не были сжаты. Затем начальник отделения участковых скакал на табуретке, как на коне. А начальник милиции снял рубашку и остался в одной майке, белоснежно чистой. Он достал из сейфа мнимые дела преступников и отдал их гипнотизеру вместе с ключами от сейфа. Также по просьбе гипнотизера передал ему мнимое оружие. В общем, было интересно и весело. Но на меня это не повлияло. И вот теперь после 17 лет раздумий я начинаю понимать, что все это со мной произошло не случайно. Просто эти эксперименты надо было проводить на ком-то сильным духом и здоровым физически и этим кем-то оказался я. И об этом я сейчас сильно жалею.

Но, дорогие друзья, стоит иногда идти против течения потому, что можно вытянуть, хоть и случайно, счастливый билетик и тогда жизнь Ваша изменится к лучшему. Подумайте об этом.

Ну, а я остаюсь простым пацаном из моего родного солнечного Баку и вспоминаю стихи великого Азербайджанского поэта про мою Родину:

« Ты дыханье мое, ты мой хлеб и вода

Предо мной распахнулись твои города,

Весь я твой, навсегда в сыновья тебе дан

Азербайджан, Азербайджан!

А ведь эта придуманная мною история действительно могла случиться с каждым.

26. И вновь продолжается бой. 15 июня 2009 года.

Дорогие друзья! На этом я хотел бы закончить свою книгу, но сейчас не июль 2008 года, а январь 2011 и Вам бы наверно хотелось продолжения, хотелось еще интриги и я Вам ее предоставляю.

И я вновь стою на этом гребаном рынке и продаю ремни. У меня по-прежнему осталась блокада сердца, я не поднимаю гирю, которая стоит сиротливо на кухне около двери, и не отжимаюсь на кулаках.

Все предприниматели знают, что летом нет торговли и мы бываем безумно рады, если за день нам удастся «поймать» 2-3 случайных покупателей. Да, нервничаешь, да — переживаешь, потому, что в месяц надо только отдать более 20 тысяч рублей на разного рода выплаты, а что же останется семье хотя бы на пожрать. И такие проблемы у каждого на рынке — независимо ты хозяин или реализатор. Стоять на рынке с 9 утра до пяти вечера тоже труд не из легких. А ведь я начал торговать с 1994 года, когда меня выперли из органов, но об этом вы уже знаете. И как эта торговля мне надоела, знали бы Вы. Пока стоишь на рынке, общаешься со всеми соседями, радуешься их успехам и успехам их детей. Если у соседей горе, то переживаешь вместе с ними. И так день за днем, и в жару и в холод. И хотя мы с женой торговали в крытом павильоне, но летом очень жарко, а зимой очень холодно. Да, здоровье у предпринимателей должно быть отменным — иначе сойдешь с дистанции на тот свет, либо останешься серьезно больным.

Как обычно, торговал я. Ирина заменяла меня, если я ездил в Москву за товаром, что я делал весьма и весьма редко. Я задаю себе вопрос: «А зачем ты едешь в Москву за товаром, если можно покупать ремни в своем городе на оптовом рынке?» Да все очень просто. Дело в том, что я привожу всегда редкие ремни, которых в моем городе практически не купишь. Бывали случаи в Москве, когда я с огромной точки по продаже ремней на Черкизовском рынке мог выбрать ремней 20-30. Просто либо этих ремней я вообще не видел, либо это просто редкие ремни.

О люди! У Вас ведь тоже бывает прилив сил по различным причинам, когда забываешь о своих болезнях, житейских трудностях и у Вас просто хорошее настроение. Согласитесь, ведь бывает так. Это как сейчас у меня после бассейна, когда я наскреб 380 рублей и заплатил их за 4 посещения. Проплавал 45 минут вместе с родственником Олегом и вот Вам, как результат, хорошее настроение и твердое решение продолжить написание книги.

Ну, а тут я не описался. Я действительно наскреб деньги на посещение бассейна потому, что я очередной раз сижу без работы и у меня в кармане последние 700 рублей, что остались от моей небольшой зарплаты, которую я заработал в должности кладовщика в фирме по продаже детских игрушек под названием «Ютойс», что в переводе с английского означает Ваша игрушка. Ну а сейчас мой герой в мае 2009 года вновь отправился в Москву за товаром и как всегда вернулся домой с хорошими ремнями. Хочу акцентировать внимание на посещение одной точки на Черкизовском рынке. Короче, зайдя в один контейнер, я спросил про белые мужские ремни. А ребята сказали мне, что все эти ремни приготовлены для оптовички Оли, которая торгует у нас в городе и к которой я езжу иногда за ремнями. Ребята также указали на коробки, стоящие в углу. Вот, собственно, и весь небольшой разговор, имеющий для меня в последствии очень важное значение.

И вот в одну из суббот 13 июня 2009 года я отправился на оптовый рынок, который находился в 25 километрах от моего городка на своей машине. Там обычно я покупаю ремни с двух точек, расположенных друг от друга на расстоянии всего 30 метров. Как обычно, я начал покупки с Олиной точки, у которой ремней было больше. Там я попросил белые ремни. Оля предложила на выбор два варианта, сказав при этом такие

слова: «Вот то, что Вы видели в Москве», а вот другие. При этих словах кровь как бы хлынула в мою голову и я стал непонятно почему сильно нервничать. В таком состоянии я подошел ко второй точке по продаже ремней. Там я выбрал ремни и попросил хозяина и хозяйку меня рассчитать, однако они рассчитывали других оптовиков, а на меня не обращали никакого внимания отчего я стал нервничать еще больше. Когда они меня все же рассчитали и я пошел к машине, моя голова готова была взорваться от сильного напряжения, взявшегося непонятно откуда. Ночью я засыпал долго и спал плохо. Но еще на рынке в этот день и вечером дома, как обычно, анализировал содержание разговора с Олей и не мог понять, откуда Оля знала о разговоре в Москве, а главное я не мог понять, почему это меня так сильно взбесило. В воскресенье я все равно поехал на рынок, проторговал весь день, однако бегал в аптеку за каплями валокардина и пил их, так как болело сердце. Вечером дома сердце уже не болело и я лег спать нормально. Однако ночью в 4 часа утра я проснулся от боли в сердце и я помню сильно хотелось пить. Я встал и, шатаясь, прошел на кухню, достал из холодильника бутылку сладкой газировки и немного выпил. Затем я кое-как дошел до своей комнаты и упал на пятую точку прямо в коридоре. От шума проснулись Влад и Ирина и подскочили ко мне с расспросами, что случилось. Влад помог мне дойти до кровати и лечь на нее. Ирина вызвала скорую помощь, которая приехала довольно быстро. Врач измерил давление и оно было низким. Уколом мне подняли давление и доктор сделал кардиограмму и сказал, что надо ехать в больницу. Моя Ириша быстро собрала вещи и положила медицинский полис. Затем до машины скорой помощи меня довел Влад. В больнице после небольших формальностей меня положили в обычную палату на 6 коек. Ну, о больнице, в которой я провел две недели я напишу позже, а сейчас я хочу немного подумать. Прежде всего хочу сказать, что мне сообщили только на пятый день, что у меня ИБС. И все эти дни я ходил и по коридору и спускался со второго этажа на улицу. Что это – халатность врачей или желание мне сделать хуже?. Затем у меня вызывает большое сомнение сам факт возникновения у меня ИБС, поскольку у меня в последнее время особо сильных переживаний не было. Да, у меня была блокада сердца, которую мне сделали соседи в мае 1999 года. Да, за эти годы я принимал различные серьезные препараты, которые естественно повлияли на мое сердце не лучшим образом. Но я ведь еще и знаю, сколько экспериментов провели надо мной спецслужбы. Кроме того я вспоминаю, что после больницы я поехал в областной санаторий «Надежда», где меня, как платного больного поселили в двухместный номер, где меня уже ожидал профессионал от спецслужб Сашка Болтунов по кличке «Хромой», но об этом позже.

27. Две недели в больнице. Санаторий «Надежда».

Скажу сразу, что в больнице я пролежал с 15 июня до 1 июля. Палата была средней паршивости, без ремонта и, конечно же, сильно отличалась от платных палат. Мы находились на втором этаже и на том спасибо. И, хотя у меня болело сердце, я ходил везде: и на улицу, и изредко за едой, и в туалет. И только в пятницу какая-то женщина-врач строго запретила мне хождение и я стал ходить только в туалет, который находился недалеко от моей палаты. В больнице было все как обычно по расписанию: и процедуры, и прием пищи, отдых и все остальное. Мне было особенно приятно, что каждого вновь прибывшего больного осматривала лично начальник отделения Усова Нина Дмитриевна, приятная невысокого роста блондинка.

Меня, конечно же, часто навещала жена и реже родственники. Теперь рынок лег на плечи Ирины и она забегала ко мне либо утром, либо вечером после базара. К концу второй недели мне стало лучше, однако много ходить я не мог. И вот 1 июля я получил выписку из истории болезни и распрощался со вторым терапевтическим отделением.

Мы с женой дома решили, что надо продолжить лечение в местном санатории «Надежда», который находился в 20 километрах от нашего дома. Но, поскольку инвалидности у меня не было, за лечение нужно было платить. Однако денег у нас не было и мы были вынуждены их занять у близкого родственника дяди Гены, который без лишних слов дал нам их на лечение.

В санаторий я приехал заранее, чтобы убедиться в наличии мест и заплатить за лечение. Номер мне выделили хороший, двухместный на третьем этаже с хорошим ремонтом. В нем находился холодильник, кондиционер, в туалете была душевая кабинка с горячей и холодной водой круглые сутки. Кровати и остальная мебель выглядели прилично, белье было свежим. И вот на следующий день я приехал с вещами, взял у администратора ключи, мне выписали персональную книжку и я поднялся на лифте к себе на третий этаж, прошел тридцать метров по коридору и зашел в свой 303 номер. Кровать у окна была занята, так как была не заправлена и мне досталась кровать в углу, возле которой стояла небольшая прикроватная тумбочка. В номере находился также большой шкаф для вещей, чем я и воспользовался. Соседа пока не было и я решил пока познакомиться с начальником отделения.

Начальник кардиологического отделения, Вера Петровна Барышева была женщиной среднего роста и телосложения, шатенкой с короткой стрижкой в возрасте 33-35 лет. Всех платных больных принимала она и сама назначала процедуры. Дождавшись своей очереди, я зашел в кабинет. Первым делом Вера Петровна спросила у меня, что произошло со мной и прочитала выписку из больницы. Затем завела историю болезни, записала туда какие мне принимать препараты и написала в моей личной книжке, какие мне принимать процедуры. Поскольку ранее у меня был повышенный сахар, то она назначила мне 9 стол для больных сахарным диабетом. Это питание было лучшим из всего меню. Затем я вышел из кабинета, сделал в соседнем кабинете кардиограмму и пошел в свою палату. Там уже находился сосед и мы познакомились. Он назвался Александром и так как он сильно хромал на левую ногу, то про себя я его назвал хромым. Мы разговорились и он сказал, что это у него был второй инфаркт и это произошло в машине. Позже случайно я узнал его фамилию Болтунов. И, должен сказать, он действительно много болтал и часто махал руками от чего у меня в голове бывало легкое замешательство. Уже в первые 2 дня с его слов я знал, что он бывший ФСБшник, а сейчас работает менеджером в одной фирме. Причем тогда в июле я не понимал, почему он говорит некоторые непонятные для меня вещи, часто машет руками и все время во время наших частых бесед пытается изменить мое мировоззрение. Например, я ему говорю про Службу внешней разведки или про Главное Разведывательное Управление, а он говорит, что их не существует. И так далее и тому подобное и каждый день. Он мне рассказал, как он заработал себе хромоту. Оказывается,

они с товарищем пьяные вывалились из вертолета и с высоты 200 метров упали на пашню и оба остались живы. Вы можете в это поверить?. Далее он мне рассказал, что у него три паспорта и есть три жены в разных городах на всякий случай, если придется от кого то скрываться. Также часто повторял в разговоре слова и выражения по два раза. Но про кодировку через 2-3 я тогда уже знал и буквально через день-два я понял, что Хромой здесь не случайно. Но вот, что он проводил жесткое зомбирование, я узнал намного позже из интернета. Немного расскажу и Вам про мягкое и жесткое зомбирование. Мягкое зомбирование сложно само по себе и требует использование гипнотизеров, владеющих многоуровневым гипнозом плюс хорошая техническая поддержка. Это похоже на то, что делали со мной в 1999 году. А вот для применения жесткого зомбирования человека надо вытащить из обычной среды обитания, назначить низкобелковую диету и специальными методами проводить против испытуемого жесткое зомбирование, что Сашка Болтунов и делал или пытался делать. Но знаю точно особо его работа против меня на мне как-то не сказывалась и я старался увести разговор в сторону, если что-то мне не нравилось. Также мне сразу же бросилось в глаза, как быстро перемещается, то есть хромает Саша. Лично я его догнать не мог и не стремился, так как у меня при быстрой ходьбе болело сердце. Хромой был со мной до 16 июля, так же ходил на процедуры, а однажды он пролежал под капельницей целых 4 часа, якобы ему стало плохо. Ну и фокусником он был, я Вам скажу. Как-то занял у меня 500 рублей и так и не отдал. Оказывается, в ноге у него была металлическая трубка, которую он сам где-то нашел. Короче до 16 июля мне было с ним очень весело.

Немного расскажу о процедурах. Ежедневно у меня был кислородный коктейль, через день массаж воротниковой зоны и электрофорез. Нам давали бесплатно минеральную воду Ессентуки-4. Также 3 раза в день я принимал препараты, иногда делал кардиограмму и один раз сдавал анализы. Утром после завтрака я с Александром прогуливался по парку, в котором располагались корпуса санатория, поскольку еще не было жарко. Затем до обеда и после него я много читал отечественных детективов и даже умудрился прочитать воспоминания нацистского разведчика Вальтера Шеленберга. Причем это было в тот день, когда на меня повесили аппаратуру на целые сутки и она записывала различные параметры моего организма. Позже Вера Петровна, увидев показания приборов, запретила мне читать про Шеленберга, что я и сделал, так как осталось читать всего несколько страниц. Днем в номере мы, как правило, несколько часов отдыхали, а вечером где-то с 19-30 до 23-00 смотрели по телевизору различные сериалы. Да, в санатории я познакомился с одной моей землячкой, с которой мы играли нарды и шахматы довольно часто. Ее звали Леной и она лежала на сохранении. А мой сосед не любил эти игры и поэтому мы с ним в них не играли. Где-то за 2-3 дня до моей выписки меня проверили на дорожке, по которой я шел, а мне часто измеряли давление под различной нагрузкой. А за день до выписки было узи сердца, которое проводил лично директор санатория, который сказал, что у меня все нормально, а могло быть и хуже. Мне, оказывается, очень повезло. Ну, а 21 числа я покинул славный санаторий «Надежда» и поехал домой в неизвестность, которая меня ждала. Да, 16 числа санаторий покинул мой «друг» Сашка Хромой, которого я довел до шикарного джипа марки Тойота серебристого цвета. За ним приехал молодой парень лет 25. Ну, а вечером я обнаружил в своем телефоне отсутствие номера Хромого, который я лично заносил под его диктовку. Ай да Сашка, ай да молодец. И когда это ты успел?.

28. Конец торговли и более или менее хорошей жизни.

После санатория я вновь пришел на рынок торговать поскольку надо было кормить семью и продержался аж до 21 февраля 2010 года. Так случилось, что у меня наступила бессонница и я 5 суток подряд не спал, но пока еще к врачу не обращался. Я попрощался на рынке с ближайшими, так сказать, соратниками, подарил маленький стульчик и палку для развешивания соседке слева, забрал свой товар из камеры хранения в машину и кое-как доехал домой.

Позже у меня бессонница прошла и после 17 лет торговли на рынке я занялся поиском работы, что было очень нелегко. Прежде всего, потому, что в трудовой книжке последняя запись у меня была аж в 1994 году. Во-вторых, технический прогресс продвинулся далеко вперед и теперь везде были компьютеры, в которых я немного разбирался. На постоянную работу мне устроится не удалось и я довольствовался временными заработками, но об этом я писать не хочу потому, что это не интересно. Так для моей семьи наступили трудности в материальном плане, поскольку мы проживали на Иркины 9600 в месяц. Мне никто никакой работы не предлагал, однако я работал по несколько месяцев на разных работах, однако пока никак не удавалось найти хорошую во всех смыслах работу.

29. Настоящая концовка.

В Иркиной комнате вот уже 10 лет стоит польская горка и столько же времени на ней стоят 7 маленьких стеклянных прозрачно-голубых слоников, которых я привез как-то из Турции на счастье, однако счастья никакого нет и не предвидится. Когда Ирина протирает пыль, она постоянно роняет часть этих слоников и никогда их не подымает. Это делаю всегда я – поднимаю и выстраиваю по росту, ставя их на одинаковое расстоянии друг от друга.

А сейчас я хочу вспомнить одну историю, которую мне неоднократно в детстве рассказывала моя бабушка. Я не помню эту историю видимо потому, что был очень мал, но тем не менее эта история чистейшая правда. У бабушки, еще когда мы жили в Азербайджане, была знакомая женщина-экстрасенс. И вот бабушка привела меня к ней. Что экстрасенс делала со мной, я не знаю, но напоследок она мне сказала «Сынок, ты будешь большим человеком!» Эти слова моей любимой бабушки я помню все пятьдесят лет, но пока большим человеком не стал и думаю при такой «поддержке» спецслужб и не стану. Если они еще не спишут меня. Что это значит ? Я Вам сейчас объясню. Когда происходит то, что произошло со мной, то наступает момент, когда данный индивид уже не представляет интерес для тех, кто это все для меня организовал и тогда человеку организуют аварию, весьма и весьма правдоподобную, у меня от гипноза или еще от чего-нибудь может остановиться сердце или я где-нибудь у кого-нибудь просто попою чаю, но мне станет безнадежно плохо только через трое суток. Врачи вынесут свой диагноз. Они, во-первых, не будут в курсе событий точно, а во-вторых даже если и будет вскрытие, то оно ничего не покажет потому, что никаких следов постороннего препарата в моем теле уже не будет. Способов устранения весьма и весьма много - зачем об этом писать. Включите телевизор и Вы ежедневно в боевиках увидите много смертей, которые Вам, видимо, уже надоели. Ну, а теперь, друзья, подойдите к карте России или раскройте ее где-нибудь в атласе. Затем найдите Ростовскую область, а в ней чуть ниже Ростова найдите город Батайск и почему-то этот город мне очень и очень нравится.

Ну, а теперь представьте, только представьте на 5-10 секунд, что вся эта история правда. Поставьте себя на место героя и подумайте, что бы Вы смогли сделать в данной ситуации и чем бы Вы смогли помочь самому себе. Ну, а теперь я хочу остановиться на трех моментах вместе с Вами, профессионалами, либо простыми людьми: Первое- мне Григорьянц и Попков специально назначили неподъемную цену за их помощь, прекрасно зная, что таких денег у меня нет потому, что было такое указание со стороны руководства ФСБ, которое планировало проведение специальных экспериментов над моим здоровьем. И эти эксперименты должны были проводиться на гражданском человеке, а не на офицере милиции. Второе – авария была организована с целью возникновения у меня шока, в дальнейшем сильно подкрепленного гипнозом и кодировкой. Третье: ФСБ не стало бы проводить такие эксперименты на мне, если бы у меня были близкие родственники в каких-либо спецслужбах.

С уважением Ваш Александр Щепановский.

Эту книгу я выложу в Интернет, чтобы ее прочитало как можно больше людей в разных странах. Отзывы прошу присылать по электронной почте на адрес

schepa-001@rambler.ru

Ай да молодцы американцы потому, что у них есть свобода, которой они очень дорожат.

Ай да молодцы японцы потому, что у них все долго живут.

Ай да молодцы немцы потому, что у них пенсионеры могут себе позволить на пенсию отдых в других странах.

А на улице у меня всюду цветут фруктовые деревья, под моим домом распустились тюльпаны, однако все это меня как-то не радует.

А сейчас я хочу прочитать четверостишие Омара Хайама:

Лик розы освежен дыханием весны,

Глаза возлюбленной красой лугов полны

Сегодня чудный день, возьми бокал,

А думы, думы брось – они всегда грустны.

Отзывы о книге можно писать по адресу:

346892, Россия, Ростовская область, г. Батайск, ул. Ушинского, д. 11, кв. 92.
Щепановскому Александру Вадимовичу.

Будьте здоровы и счастливы !!!.

С уважением А. Щепановский.

Книга основана на реальных событиях, происшедших и происходящих в одном из небольших городов России (да и наверно по всей России) .Все фамилии действующих лиц в основном изменены.... Возможно ?????????

Декабрь 2011 года.